

С тобой и навсегда

A romantic couple is shown in silhouette, embracing and kissing. The man is on the left, wearing a dark suit, and the woman is on the right, wearing a long, light-colored gown. They are standing in a grand, ornate hall with large, arched windows in the background. The scene is bathed in a warm, golden light, and there are many small, glowing particles floating in the air, creating a magical and romantic atmosphere.

Алексей Птица

Алексей Птица
С тобой и навсегда!

«Автор»

2026

Птица А.

С тобой и навсегда! / А. Птица — «Автор», 2026

Фёдор Дегтярёв вновь в центре внимания. Штурм Кроншлота, любовь, круговерть нескончаемых приключений, что поможет ему и чем закончится его любовь к графине? Об этом вы узнаете в заключительной книги этого цикла.

© Птица А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Место сбора	5
Глава 2. Подготовка к штурму	11
Глава 3. Штурм	17
Глава 4. Штурм часть вторая	25
Глава 5. Атака крепости	31
Глава 6. Катакомбы	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алексей Птица

С тобой и навсегда!

Глава 1. Место сбора

Только когда они вошли в поезд, Женевьеву отпустило напряжение, хотя нет, даже позже, когда их пригласили попить чаю в штабной вагон военного состава, на котором они и следовали в Великий Новгород. Оказавшись в более спокойной обстановке, она перестала нервничать и немного отвлеклась от собственных переживаний.

Страх за себя и мать в сложившихся обстоятельствах несколько блек от любовных переживаний, но именно этот страх и толкнул её на решительный поступок. Их жизни угрожала опасность, а что может заставить думать человека о продолжении жизни, как не смертельная опасность?

Стремительный ход неожиданных событий просто захватил её. Разрешение матери, страстный поцелуй, броневик, пахнувший внутри смертью, быстрая езда, ожидание нападения, расставание безо всяких сантиментов, и вот они уже едут домой под мерный перестук колёс. Едва она додумала эту мысль, как вспомнился её первый поцелуй с Дегтярёвым.

Это действительно оказался её первый поцелуй, самый настоящий, самый сладкий. Никогда до этого она ни с кем не целовалась, и даже не тренировалась на кошках, как ей в шутку говорила одна подруга. Жаль, что всё так смазано получилось, и она даже не успела распробовать это новое для себя прекрасное чувство. Вот только они слились устами, и сразу же тревожно забилося сердце, ведь надо спешить. Она очень боялась, что в этот момент может случиться то, что помешает ей уехать из Павлограда, и только поэтому не потеряла голову от любви.

Между тем, в штабном-вагоне все только и обсуждали подавление восстания. Разговоров много, и они пугали её, маман же внимательно вслушивалась, спрашивала, уточняла, делала какие-то замечания, пока они не возвратились обратно в небольшое купе, специально выделенное для них. Когда они улеглись под мирный перестук колёс, мать спросила её.

- О чём ты разговаривала с бароном вчера, дочь?
- Так, ни о чём, а почему ты спрашиваешь?
- Хочу знать, насколько ты окажешься честной со мной.
- Я всегда с тобой честная, мама.
- Тогда рассказывай честно и подробно.

Лёжа пожимать плечами неудобно, да Женевьева и не хотела этого делать, она немного помедлила, собираясь с мыслями, и стала рассказывать. Ей действительно ничего скрывать не требовалось.

– Мы разговаривали обо всём интересном для нас, об искусстве, литературе, учёбе, и в тоже время ни о чём конкретном, что могло бы тебя заинтересовать, маман.

– Гм, верю, и как показал себя барон в роли собеседника?

– Знаний недостаточно у него, чувствуется, что он провинциал, многое и о разном слышал, но мало видел или встречал.

– Это естественно, среда формирует сознание, а гимназия Крестополя, хоть и предоставляет знания на уровне любой другой гимназии Павлограда или другого города, не может дать развитых собеседников вне её. Там встречается мало технической или интеллектуальной элиты, всё больше торгаши, да южные дикари с достатком. Ты целовалась с ним? – вдруг резко перешла на другую тему мать.

– Маман! – возмущённо пискнула Женестьева.

– Что? Ты сказала, что будешь честна с матерью. Так целовались?

– Да, – помедлив, призналась Женестьева.

– Руки распускал?

– Мама!

– И?

– Нет, просто поцеловались и побежали вниз.

– Наверное, не успел, – вдруг насмешливо сказала мать.

– Что, значит, не успел? Он и не пытался, он даже боялся ко мне прикоснуться, если бы я сама не подставила ему губы.

– О, какая у меня, оказывается, решительная дочь. Страшно подумать, что ты могла сотворить, если бы времени у вас оказалось побольше.

– Мама! – опять возмущённо пискнула Женестьева, – как ты можешь обо мне так думать?!

– Эх, глупышка, ладно, мы обе с тобой напуганы и хотим, чтобы это всё скорее закончилось. Барон, возможно, сейчас уже готовится к бою, и неизвестно, что его ждёт дальше, а так хоть поцеловаться с тобой успел. Тоже, наверное, в первый раз.

– Мама, а если он погибнет?

– Надеюсь, что нет, и ты надейся, глупая девчонка. Как приедем, в церковь сходи, помолись, да свечку ему за здоровье поставь. Хорошая он партия для тебя, и видно, что любит всей душой, такое редко случается в нашей среде. Для графини выйти замуж по любви – редкостная удача. Отцу я говорить ничего не стану, но знай, что я на твоей стороне, и не против, если ты с ним начнёшь встречаться, да и если замуж вдруг вздумаешь за него выйти, то я не стану препятствовать. Открыто говорить об этом я не могу, но хочу, чтобы ты знала и понимала. А дальше – всё в руках Божьих.

– Мама, я сейчас заплачу!

– Вот ещё! Всё будет хорошо, не одна ты станешь молиться за своего барона. Ты хоть замуж за него хочешь?

– Хочу, – еле слышно призналась Женестьева.

– Всё, тогда спать, – оборвала разговор мать и демонстративно отвернулась от дочери, принявшись кутаться в одеяло и размышлять о том, не сказала ли она чего лишнего.

А Женестьева ещё долго ворочалась, перебирая в уме события прошедшего дня, пока мерный перестук колёс поезда окончательно не утомил её, погрузив в крепкий, без сновидений сон.

Добравшись до нужного адреса, я оглядел ничем не примечательно здание, на входе в которое также никто не стоял. Войдя внутрь, я обнаружил неизвестную мне ранее частную контору. В данный момент она не работала, а вместо неё здесь находился пункт по приему и направлению таких, как я, «добровольцев».

Сразу за дверью меня встретили два жандарма, вооружённые револьверами, а немного дальше располагался стол, за которым сидел ещё один жандарм в звании поручика и заполнял документы.

– Барон Дегтярёв, – отрапортовал я, протянув ему заранее вынутый из внутреннего кармана пропуск, – прибыл по поручению ротмистра Радочкина.

– Барон Дегтярёв, – задумчиво произнёс поручик, бегло просматривая списки и сверяя их с моим пропуском.

Поиск длился всего с десятков секунд, так как списки оказались весьма небольшими.

– Проходите на второй этаж, первая дверь справа, там обязательно будут находиться перед ней люди, не ошибётесь.

– Благодарю! – и я отправился наверх.

Я опоздал совсем немного, и приём собранных добровольцев оказался в самом что ни на есть разгаре. Всего в небольшом коридоре стояло человек десять, каждый из которых, согласно стихийно возникшей очереди, заходил в единственный кабинет и через какое-то время покидал его, чтобы пройти в два других, на выбор.

Эти кабинеты располагались дальше по коридору, из них почему-то обратно никто не выходил. Я пока не знал причину, да и не стремился, решив, что вскоре всё равно узнаю, как только дойдет моя очередь. Собравшийся разномастный народ и одет был по-разному, но в мундире не оказалось никого, кроме меня. Никто из ожидающих приёма не пытался разговаривать с другими, каждый сосредоточенно думал о своём, не стал разговаривать и я, также найдя, над чем поразмыслить.

После меня к кабинету подошли ещё два человека, на этом поток добровольцев иссяк. Наконец подошла моя очередь заходить и, решительно потянув дверь за ручку, я шагнул внутрь, с любопытством оглядывая внутреннее убранство открывшегося моим глазам помещения. Большая комната, куда я попал, оказалась выдержанной в спокойных тонах и вмещала в себя два шкафа и два стола, за которыми, соответственно, сидели два человека, рядом с возвышающимися стопками бумаг.

Ближайший ко мне отложил документ, оставшийся от предыдущего посетителя, поднял на меня светло-серые глаза и произнёс.

– Слушаю вас!

– Барон Дегтярёв, – назвался я и протянул всё тот же пропуск.

Человек взглянул на него и почти мгновенно понял, в какой стопке лежат мои документы. Потянувшись к ней, он сразу вынул нужный лист, быстро с ним ознакомился и произнёс.

– Интересный дар. Дар защитный, – бросил он уже своему напарнику, усатому пожилому мужчине. Тот быстро пролистал уже свои бумаги, нашёл нужную и передал её первому.

– Вам в последний кабинет по коридору, бумаги возьмите с собой, там всё скажут и отправят к месту назначения. Спасибо за выполнение вами долга перед империей! А я вас более не задерживаю.

Забрав бумаги, я вышел из комнаты, отправившись в указанный кабинет. Постучавшись в нужную дверь и открыв её, я попал в помещение, где меня ждал всего лишь один человек, который, едва взглянув на меня, сразу же вопросительно-утвердительно произнес.

– Барон Дегтярёв?

– Он самый, – удивился я.

– По фото узнал. Давайте документы, что вам вручили в первом кабинете. Так-так, ага. Посмотрим, в какую команду вас лучше всего определить.

Несколько минут чиновник от жандармов думал, какое решение ему принять, пока видимо не решился на наиболее приемлемый, по его мнению, результат.

– Пойдёте в штурм-команду «Р», вот направление, остальное узнаете и получите на месте, не исключено, что вы можете попасть и в другую команду. Идите вон в ту дверь, через неё попадете в коридор, по нему пройдёте до конца, на выходе вас встретят и определяют куда нужно.

Я оглянулся в указанном направлении и с удивлением увидел, что из кабинета вели две двери, помимо той через которую я сюда вошёл. Удивлённо покачав головой, я прошёл мимо чиновника, мимоходом подумав, что ларчик-то просто открывается. Теперь понятно, почему все сюда заходят, а никто не выходит, и очередь тает.

За указанной дверью оказался узкий и пыльный коридор заброшенного служебного помещения, на полу которого виднелись слабые отпечатки ног прошедших сегодня по нему людей. Здесь до этого времени никто не ходил, уж не знаю по каким причинам, а вот сейчас пришлось.

Коридор быстро вывел меня на задний двор, где стоял, почти уткнувшись в крыльцо чёрного выхода, военный грузовик с наращенными с помощью металла бортами. Возле него топ-

тались несколько человек, а внутри кузова сидели ещё пара десятков самого разного возраста и положения, одетых, в основном, в цивильное платье.

Возле кабины курили двое, в которых безошибочно можно было угадать начальников, причём не простых, несмотря на то, что одеты они оказались в ранее невиданную мною форму, без знаков различий.

– Последний или ещё будут? – обратился ко мне тот, что курил тонкую сигарету, другой, сжимающий в руках трубку, вопросительно посмотрел на меня, но ничего не сказал.

– Не знаю, мне сказали, я пошёл, но в коридоре оставалось ещё человек пять.

– Ага, значит, последний. Ладно, докурим, как раз минут пять и пройдёт, и станет ясно, ждать или нет. Давай документы, посмотрю.

Я протянул бумаги.

– Ясно, будешь курить или сразу полезешь в кузов?

Я пожал плечами, я не курил, но и в кузов лезть не хотелось, хотя мы долго стоять здесь всё равно не станем.

– Я не курю.

– Тогда полезай, скоро поедем.

Я кивнул и, подойдя к машине, вытянул вверх руки, подтянувшись, перекинул ногу на борт, после чего одним рывком очутился в кузове. Рядом с бортом имелось свободное место, куда я и уселся, потеснив сидевшего рядом довольно пожилого мужчину.

– Вот и молодёжь подтянули. Эх, куда мы катимся?!

– Вперёд покатимся, – хмуро бросил другой мужчина, примерного того же возраста, что и говоривший, с бледным, словно выбеленным лицом, покрытым частыми веснушками, разбросанными по его поверхности в хаотичном порядке.

– Не скажите, мы с вами уже пожилы, семьи завели, детей, а у юноши даже невесты возможно нет. Ведь нет же?

– Нет, – выдавил я из себя, справедливо полагая, что поцелуй Женеьевы, хоть и исключительно приятный для меня, не нёс ничего, кроме признания взаимной симпатии.

– Вот видите, как дело обстоит, а нам завтра-послезавтра в бой, да ещё какой? Эх, куда мы катимся...

– Скоро поедем, не унывайте, сударь, мы победим.

– Почему вы так думаете и уверены в том?

– Потому что у нас просто нет другого выхода и, насколько я понял, у вас дар один из самых сильных боевых, так ведь, господин Хорошев?

– О, откуда вы знаете мою фамилию?

– Видел вас на одной научной конференции, посвящённой навыкам применения дара.

Вы там выступали с коротким резюме.

– А с кем имею честь разговаривать?

– Доктор Преображенский.

– О! Слышал, слышал.

Доктор ничего на это не сказал, а хмуро взглянул на меня и отвернулся в сторону заканчивающих курить наших начальников.

– Скоро поедем?

– Уже, – сказал один из них и, выбросив окурочек в железную декоративную урну, что стояла рядом с крыльцом, пошёл садиться в кабину. Его собеседник, также докурив и, постучав трубкой по той же урне, неспешно выбил из неё сгоревший табак и, надсадно крякнув, полез на место водителя.

Зашелестел стартер, двигатель грузовика сразу же завёлся и затарахтел, выплёвывая через выхлопную трубу удушливые сизые клубы собственного выхлопа. Пока грузовик заво-

дился, все стоявшие рядом с грузовиком стали залазить в кузов и, заняв свои места, приготовились ехать.

Водитель включил заднюю передачу, грузовик тронулся обратным ходом и, развернувшись, въехал в закрытую арку между домами. Притормозив перед выездом на улицу, водитель вдруг резко дал по газам и, выехав на улицу, помчался вперёд, везя нас по неведомому адресу.

Высокие борта грузовика не давали возможности нас рассмотреть с тротуаров и первых этажей, но и мы мало что видели, да мне этого и не сильно хотелось. Откинувшись спиной на борт, я вновь стал вспоминать расставание с Женеьевой. Этих воспоминаний мне хватит надолго, если не возникнут новые, которых я ждал очень сильно.

Вспомнив, ради чего и куда еду, я поморщился, и всё хорошее настроение улетучилось. Оно и понятно, нечему в такой ситуации радоваться, но и горевать пока рано, проживём – увидим. Да, достали всех уже эти анархисты. Пора с ними кончать. Грузовик резко ускорился, и я отвлёкся на дорогу.

Мы выскочили на широкий проспект и, проехав по нему минут пять, свернули на одном из перекрёстков влево. Дорога пошла в сторону Петровского залива, и грузовик ещё больше увеличил скорость, и так гнал до самых ворот одного из гвардейских полков, расквартированных недалеко от Царского села. Нас здесь явно ждали, потому что ворота открылись почти сразу, и мы беспрепятственно въехали на территорию расположения полка.

– Господа, мы на месте, – сказал нам старший машины, борта откинулись, и мы стали выпрыгивать на землю.

Не успели мы слезть с грузовика, как нас сразу же взяли в оборот и повели в сторону одного из зданий, которое оказалось штабом части. А дальше всё завертелось. Собеседование с несколькими офицерами части, получение и подгонка полевого обмундирования и личного оружия, обед, введение в курс дела, где нам кратко рассказали о предстоящем штурме.

Я, как бывалый, к тому же ещё молодой человек, всё это воспринимал как должное и абсолютно для меня приемлемое, а вот дяденьки постарше и потяжелее, в смысле веса, так не считали. Однако они сами согласились на все условия, а поэтому, если и возмущались, то вполголоса и недолго. Всего в нашем полку оказалось около сотни человек, вроде немного, но это для обычных людей с обычным даром. На самом деле – такое скопление дароносцев – уже удивительное событие, но я и сам не знал, каким именно даром обладал тот или иной человек, как не знали и они о свойствах моего дара.

После обеда нас стали делить сначала на десятки, ориентируясь по каким-то параметрам, затем на пятёрки, а потом даже на тройки. Получился странный конгломерат из разных групп, в одних находилось десять человек, в других пять или всего лишь трое. Меня сначала распределили в группу из десяти человек, а через какое-то время из пяти. Я подумал, что на этом моя пертурбация подошла к концу, но всё оказалось намного сложнее.

– Барон Дегтярёв? – спросил меня молодой и подтянутый подполковник, что и занимался перераспределением.

– Так точно!

– Понятно, интересный у вас дар, сколько держать его способны?

– Сейчас около пяти минут.

– Отличный показатель! А скольких человек сможете прикрыть им?

– Не знаю, я не пробовал.

– А радиус действия вашего щита какой?

Я задумался, начал припоминать, потом высчитывать и, наконец, выдал ответ.

– До двух метров в диаметре, не больше.

– Ясно, неплохой результат, то есть под вашу охрану могут попасть не более трёх человек?

Я опять задумался над нелепой задачей, которая никогда передо мной не стояла.

– Скорее двоих, чем троих, или если трое, но небольшого роста и комплекции.

– Понятно, что же, постараемся подобрать специально под вас команду.

– Зачем? – вырвался из меня глупый ответ.

– Потому что ни у кого из всех присутствующих нет такого сильного защитного дара с таким большим радиусом действия и продолжительностью. Вот и выходит, что нам нужно подобрать под вас команду. Пятёрка для вас окажется слишком большой группой, а тройка из вас и ещё двоих штурмовиков слишком слабой. Нужно делать четвёрку, а это нетипично для военной науки, но придётся. Как говорил генералиссимус Суворов в своей «Науке побеждать»: «Воюют уменьем, а не числом, а от уменья происходит согласие».

На это у меня не нашлось, что возразить, да и смысла в моём ответе всё равно никакого не имелось, раз подполковник сам всё решил, тут командует он, а не я.

– Согласны работать в четвёрке и прикрывать щитом троих штурмовиков с боевым даром?

– Как скажете, – нейтрально отозвался я, чем вызвал у подполковника кривую улыбку. Судя по всему, он ожидал от меня геройского выкрика и фанатичного блеска в глазах.

Однако сильного желания воевать у меня не имелось. Одно дело, когда ты защищаешь свою жизнь или жизнь других в результате подлого, а подчас и неожиданного нападения, и совсем другое, когда приходится идти в атаку самому, да ещё и в наспех собранной команде, где ты а) никого не знаешь и б) никогда не стоял плечом к плечу перед ликом смерти.

Подполковник это понял и не стал «пытать» меня и развивать тему, а переключился на остальных присутствующих, задавая им вопросы и уточняя ответы. Это длилось ещё около часа, пока он со всеми не разобрался и не отпустил нас на ужин. А вот после ужина всех определили уже в окончательные группы, о чём и объявили на вечерней поверке.

Глава 2. Подготовка к штурму

– Барон Дегтярёв!

– Я!

– Вы назначаетесь в штурмовую группу № 15.

– Есть!

– Доктор Преображенский!

– Я! – отозвался мужчина с рыжей шевелюрой, что ехал со мной в кузове грузовика.

– Группа №15.

– Слушаюсь!

– Господин Вемин!

– Я! – отозвался худой и нескладный мужчина среднего возраста, обладатель тёмно-карих глаз и кудрявой русой шевелюры, что торчала на его голове во все стороны непричёсанными прядями. Одетый в мундир чиновника тринадцатого класса он производил впечатление человека века науки, а не войны. И уж тем более не того, кто готов идти воевать и убивать.

– То же самое, группа №15.

– Слушаюсь.

– Барон Первых!

– Я!

– Вы назначаетесь командиром группы 15.

– Есть!

Я оглянулся посмотреть на новоиспечённого командира своей группы и наткнулся на внимательный взгляд свинцово-серых глаз человека среднего роста, с довольно приятным лицом, крепкого телосложения и, судя по решительному выражению лица, умеющего командовать. С первого взгляда я не смог определить, сколько ему лет, главное, что он старше меня, а чем он занимался до этого момента, я не мог догадаться, так как он уже переоделся в полевую форму, в отличие от всех нас.

Подполковник, что проводил проверку, перешёл к другой группе, также называя всех пофамильно, назначая в другие группы с разными порядковыми номерами, но я его уже не слушал. Меня назначили, и дальше я пойду в бой вместе с этими людьми, каждый из которых, как минимум, в полтора раза старше, чем я. Мне поручается их защищать в бою, как странно это на самом деле, они старше меня, а защищать их придётся мне.

– Всё, господа штурмовики, всем отбой, завтра вас ждёт боевое слаживание, тренировка и инструктаж перед началом двухдневных тренировок. А сейчас вы все можете отдыхать.

Строй, получив команду разойтись, сразу же зашевелился и распался. Отдыхать нам пришлось в палатках, что стояли недалеко от казарм. Палатки небольшие, всего на пару-тройку человек, иногда больше, но нам и находиться в них придётся всего пару ночей, поэтому большего и не нужно. Но оказалось, что для нас четверых выделили одну большую палатку, в ней мы и разместились.

– Ну, что же, теперь мы одна команда, или как говорят здесь, одна штурмовая группа. У нас есть целый час, чтобы наскоро познакомиться и отойти ко сну, – сказал барон Первых, как представил его подполковник.

– Почему только час? – спросил доктор Преображенский, – у нас вся ночь впереди.

– Ночью нам необходимо выспаться, – пояснил Первых, – поэтому есть время не больше двух часов, а дальше, кто как заснёт, над этим я уже не волён. Меня зовут Анатолий Степанович Первых, я отставной пограничник в чине капитана, имею личное дворянство и титул барона, выслуженный за годы безупречной службы. Имею весьма интересный дар, как, наверное, и

все в этой команде. Я умею скрытно передвигаться и находить различные лазейки и тайные ходы, ну и всё, сопутствующее этому. Стрелять и, собственно, воевать тоже, хотя всё больше в мелких, скоротечных стычках, в крупных не довелось. Комиссован по ранению, и вот Родина вновь призвала меня на свою защиту. Теперь прошу каждого высказаться о себе.

– Ну, раз так, тогда я следующий, – вызвался рыжий веснушчатый доктор Преображенский.

– Доктор Преображенский Вениамин Витальевич, земский врач, обладаю даром целителя, в частности, легко останавливаю кровь и произвожу прочие манипуляции. Воевал в последнюю войну, но недолго, больше в госпитале находился, но стрелять умею. Обладаю слабым защитным даром, но он действует недолго и закрывает едва ли всё тело.

Выслушав доктора, Первых повернулся к худому и нескладному чиновнику, проигнорировав меня.

– Вемин Пётр Александрович, инженер-химик, в данном случае даже не знаю, в каком качестве меня решат использовать, обладаю сильным боевым даром, бью электрическим разрядом на большие расстояния. Обращению со стрелковым оружием не обучен, не воевал.

Первых кивнул и, наконец, оборотился в мою сторону.

– Ну-с, молодой человек, а что скажете вы?

– Барон Дегтярёв Фёдор Васильевич, год назад выслужил титул барона, наследуемого дворянство лично, стрелять умею, воевать не воевал, но в стычках опыт имеется против бандитов и террористов, вынужденно.

– Доводилось убивать?

– Да, доводилось.

– Шрам заработали в подобном случае?

– Да, недавно получил после военно-полевых сборов.

– Да, я слышал об этих нападениях, там вас и ранило, получается?

– Да.

– Угу, я ещё удивился, увидев ваш шрам, слишком юный возраст, ещё и студент, да инженерной академии.

– Так получилось.

– Ну ладно, раз мы всё выяснили, то...

– Вы про дар не спросили.

– Ах, да, совсем забыл, и какой у вас дар, молодой человек? – не ожидая услышать чего-то серьёзного, спросил Первых.

– Защита от прямых воздействий любого вида оружия. Я формирую воздушный щит, что отражает все летящие в него снаряды и любые другие воздействия, или почти любые, я пока не знаю точно, всё не проверял на личном опыте. Не знаю, смогу ли я препятствовать удару электрическим разрядом, скорее всего, нет, но пули и энергию взрыва он останавливает.

– Надо же, вы меня удивили и одновременно обрадовали. Действительно, очень редкий дар. Выходит, нас собрали в группу, где есть обладатель сильного защитного дара, обладатель не менее сильного боевого дара, а кроме того, присутствует доктор и человек, умеющий прекрасно искать обходные пути и всевозможные подземелья, то есть я. Правда, доктор в команде из четырёх человек несколько жирно, я считаю, для нас.

– Вы забываете, господин Первых, что мы пойдём на задание в составе штурмовой группы гвардейцев, а их будет не меньше пары десятков, если не больше, и вот там-то я и окажусь весьма полезен, – тут же откликнулся на это доктор Преображенский.

– Да, действительно, я совсем забыл про них, тогда всё объяснимо. Что же, господа, мы узнали друг о друге самое главное, завтра предстоит тяжёлый день, поэтому предлагаю всем отдыхать.

Вемин только кивнул головой и, наскоро раздевшись, улёгся на свой топчан, явно не желая продолжать дальнейший разговор. Я с ним оказался солидарен и тоже стал укладываться спать, потому как мои мысли сейчас крутились только вокруг Женеьевы, а чтобы спокойно подумать о ней, мне нужно перестать общаться с другими и погрузиться в собственные фантазии, что давал лишь только сон.

А вот доктор не желал просто так ложиться спать без своего последнего слова.

– Сон должен быть крепким, тогда он приносит отдых и уму, и сердцу, а если ум занят делом, а сердце переживаниями, то они не дадут сразу заснуть, а значит, человек станет засыпать плохо и в итоге не выспится. Поэтому нужно обсуждать тему, пока не устанешь, чтобы легче заснуть.

– Да чего уж тут обсуждать, спать пора. Я всё для себя выяснил, а завтра узнаем и остальное, вон, уже химик спит, и юноша почти.

И действительно, Вемин уже тихо посапывал, временами откровенно похрапывая.

– Ну, что же, ваша правда, тогда спокойной ночи нам всем.

Первых улыбнулся, сказав: «Спокойной ночи», я повторил за ним, а химик громко всхрапнул и, поелозив на месте, перевернулся на другой бок.

Заснул я практически сразу, даже неожиданно быстро для себя самого. В тот момент, когда я вновь целовался с Женеьевой, спускаясь губами от её лица к шее и ниже, к началу груди, меня и вырубил, разом погрузив в сон.

Спал я крепко и практически без сновидений, разбудила меня, как и всех моих товарищей, утренняя побудка. Откинув тонкое шерстяное одеяло, я принялся продира́ть глаза и одеваться, делая то же, что и остальные. Нам дали время, чтобы умыться и позавтракать, после чего собрали на общем построении и передали в штурмовые отряды.

Началось так называемое боевое слаживание, переодетые в полевую форму мы со стороны представляли достаточно неоднозначное зрелище. Подтянутые и сухопарые военные, и вперемежку с ними мужчины явно не строевой выправки. Я особо не выделялся среди военных, так как соответствовал своей комплекцией обычному унтер-офицеру или солдату, а вот остальные...

Нам выдали оружие, я получил хороший карабин со снайперским прицелом, так как у меня в личном деле оказалась запись о кратковременном обучении снайпингу. Получив карабин, я обрадовался, прицел на нём хоть и примитивный, но позволял увидеть на большом расстоянии даже мышь. Вкупе с моим острым зрением я получал хорошее преимущество в бою. Остальным моим напарникам дали в руки по обычному револьверу системы Нагана.

Дальше нас повели на стрельбище для занятий стрелковой тренировкой и проведения боевого слаживания. После этого нас сразу бросили на штурм какого-то кирпичного каземата, который мы должны были взять быстро и без подготовки. Из него стреляли, как оказалось, холостыми, но это мы поняли слишком поздно, и Вемин, которого мы стали называть за глаза химиком, влупил такой разряд в стену, что по ней пошла трещина, а внутри оказались пострадавшие, получившие слабый удар током.

Увидев действие его дара, я изрядно подивился и даже начал завидовать этому учёному чудаку. Обладать таким мощным даром и нисколько этим не кичиться, это сильно. На этом, собственно, штурм закончился, и нас повели на обед, после чего последовал разбор событий сегодняшнего дня, обмен впечатлениями, инструктаж и подведение главных итогов, плавно переходящих в задачи на завтра.

Следующий день оказался завершающим в нашем обучении перед штурмом Кроншлота. Нас просто собирались вывезти на штурм похожей цитадели, впрочем, весьма условно похожей, но это лучше, чем ничего перед таким сложным боем.

– Вот и ещё один день прошёл, – подытожил наш штатный командир Первых, когда мы стали укладываться спать – завтра решающий, перед битвой, и я желаю всем остаться в живых в этом кровавом деле.

– Мы справимся, – слишком бравурно отозвался на это доктор Преображенский.

– Не сомневаюсь, но чем меньше будут потери, тем лучше для всех, я бы хотел, чтобы потери оказались минимальные с обеих сторон.

– Это уж, как получится.

– Как бы ни получилось, но мы должны постараться сократить их.

– Послушайте, доктор, вы с этим весьма ценным предложением можете обратиться к командованию, и всё им доходчиво объяснить, а я могу отвечать лишь за свою команду, и то временно, поэтому я не стану лезть в подобные дебри, и не советую никому. Вон, Вемин уже спит, а юноша опять о чём-то грезит.

– Эх, молодёжь, – покачал головой доктор Преображенский и начал тоже укладываться спать.

Я ещё не спал и поэтому ответил.

– Нам нужно думать о других, господа, и тогда всё получится. Я смогу держать щит недолго и закрою лишь только нас четверых, а лучше, если нас будет трое или всего двое, тогда вероятность нашего поражения вообще может оказаться равной нулю, пока действует мой дар. Самое лучшее, если мы пойдём парой с Веминим, а вы уже вместе с остальными, на подхвате.

– Хорошее решение, вот только Вемин никогда не воевал, и не убивал, ему окажется сложно.

– Не знаю, но у нас всё равно нет другого выхода. Ладно, я спать.

Мне никто не ответил, каждый обдумывал свои и мои слова.

Утро следующего дня началось точно так же, как и предыдущего. Утренняя побудка, проверка, завтрак и марш-бросок в сторону расположения объекта учебной атаки. С последним нам повезло. В связи с тем, что в рядах свежесформованных штурмовых групп присутствовало много людей пожилого или среднего возраста с плохой физической подготовкой, нас повезли на грузовиках.

Сидя в грузовике на откинутой от борта деревянной скамейке, я молча трясся, погружённый в свои мысли, вспоминая то мать, то Женевьеву, то все свои схватки с анархистами и бандитами. Мысли клубились самые чёрные, а на душе словно повис тяжким грузом кусок гранита.

Мне хотелось любить, жить, сжимать в объятиях любимую девушку. Пусть это даже окажется не графиня, а обычная мещанка, а мне предстояло идти в бой. Затем эта мысль, казалось, дойдя до логического конца, переходила на другой круг, наполняя меня воспоминаниями о матери.

Что чувствовала она и за что погибла при покушении? Чем мешал анархистам генерал-губернатор? Не самый, кстати, плохой, много сделавший для Крестопольской губернии, однако череда покушений с завидной регулярностью процветала в империи, и вот теперь настал очередной бой с теми, кто это всё организовал и сагитировал исполнителей.

Что же, я не стремился и не хотел участвовать в войне с анархистами, но они меня и не спрашивали, поставив просто перед очевидным фактом, оболванив кучу людей и насытив свои ряды всяким отпетым отребьем, вроде уголовников и иностранных шпионов. А раз так, то придётся с этим разбираться всем, в том числе и мне.

Грузовик тем временем подъехал к месту, где нам предстояло учиться штурму, и мы стали спрыгивать с бортов. Этот день запомнился бесконечными тренировками. Мы штурмовали крепость не один десяток раз, дойдя практически до изнеможения, растрчивая энергию своего дара до последних крох, то и дело подкрепляясь неизвестными мне концентратами и чистым эфиром.

Обеда, как такового, практически и не было, просто дали полчаса подкрепиться горячей едой и быстро попить кипятка, и вновь отправляли нас на штурм. Закончилась тренировка около пяти часов вечера, когда нас вновь погрузили на грузовики и отправили обратно в расположение полка.

Поздний ужин завершился почти сразу командой «отбой», я уже собирался идти в палатку отдыхать, когда меня неожиданно позвал подполковник, что распределял нас по командам.

- Господин Дегтярёв!
- Слушаю вас, – повернулся я к нему.
- Мне нужно с вами переговорить.
- Хорошо. Где?
- Пойдёмте со мной.

Мы прошли в здание штаба и, поднявшись в кабинет, где и обитал подполковник, расположились там.

- Слушаю вас, ваше превосходительство!
- Господин Дегтярёв, можно я так вас буду называть?
- Да, пожалуйста.
- Как вам команда номер пятнадцать?
- Ничего плохого сказать не могу, мы уже сработались.
- Это радует, вы ведь самый молодой из них?
- Да, вы же это сами знаете?
- Знаю, поэтому у меня к вам есть одна просьба.
- Слушаю вас.

– Дело в том, что вы обладаете защитным даром и только потому включены в данную команду, остальные её члены им практически не обладают, и в то же время, это наиболее ценные специалисты, участвующие в штурме. Ценность они имеют разную, но именно ваша команда составляет залог успешного штурма Кроншлота. Боевые действия планируется осуществлять с разных сторон, личный состав разбит на штурмовые команды, у нашего полка основная надежда на вашу группу, но я прошу вас, и даже требую, не дать погибнуть никому из них. Я понимаю, это сложно и не всё окажется в ваших силах, но вы должны знать, что только от вас могут зависеть их жизни.

Подполковник, у которого я не удосужился узнать ни имя, ни фамилию, сделал паузу, внимательно смотря на меня.

- Это от моего дара зависит, но он не работает долго.

– Вас снабдят пищевыми концентратами, обладающими повышенными калориями. Кроме того, вы получите новейшую разработку наших химиков, концентрат эфира. Да-да, сила вашего дара базируется на использовании стихии воздуха, и вам больше подходит чистый эфир. Сейчас уже создан концентрат, что может действовать на ваш дар гораздо лучше обычного очищенного эфира, усиливая и продлевая его действие. Учтите это, когда начнете с ним работать, он даст вам не меньше минуты форы, кроме того, когда ваши силы ослабнут, один приём концентрата восполнит их до максимума, также в течение минуты. Вам нужно только продержаться эту минуту. В некотором смысле это может оказаться опасно для вашего организма, так быстро восстанавливаться, поэтому его рекомендуют использовать в таком режиме не более двух раз, и я предупреждаю вас об этом.

- Я понял, но я даже не знаю, что на это сказать.

– А не надо ничего говорить, вы просто должны знать, что их жизни важнее вашей, и вы должны приложить все свои силы на их защиту, даже если придётся пожертвовать собой.

Выслушав эти слова, я похолодел и молча смотрел в равнодушно-любопытные глаза подполковника, который, по моему мнению, зря так сказал. Точнее, не то, чтобы зря, а подо-

брал совсем не те слова, которые я готов был услышать и выполнить. Я бы и без его предложения самоотверженно защищал жизни людей, находившихся рядом со мной и зависящих от меня, возможно даже больше, чем меня сейчас просили, но вот после такой просьбы, или даже приказа, мне что-то не хотелось так делать.

– После ваших слов я бы хотел выйти из данной команды и порекомендовать заботу о ней другим людям, более способным и более ответственным, чем я, – медленно закипая, ответил я.

– То есть вы отказываетесь?

– То есть я собираюсь перейти в другую команду, с вашего позволения, конечно.

– Это исключено.

– Хорошо, но тогда я ТРЕБУЮ перевода в другую штурм-группу!

– Вы не имеете на это права.

– Извините, ваше превосходительство, но я не состою в армии и сейчас участвую в группе практически на общественных началах, по велению сердца и просьбе отдельного корпуса жандармов, что передали желание императора. Да, желание императора об участии подобных мне людей в штурме. Император хочет сберечь жизни солдат, и я поддерживаю его в этом решении. Поэтому у меня есть право решать, в составе какой команды я пойду в бой.

– Вы, ошибаетесь, господин Дегтярёв.

– Гм, господин подполковник, а почему вы ещё ни разу не произнесли моего титула «барон» и всё время упорно называете меня господином?

– Это к делу не относится, вы совсем недавно стали бароном и, думаю, ещё не привыкли к подобному титулу. Поэтому, чтобы не заострять на нём внимание, я и называю вас господином, господин барон Дегтярёв.

– Ну, хоть какое-то объяснение, но я хотел бы ещё раз повторить, что я не желаю действовать по вашему приказу, это ведь приказ, не так ли?

– Это просьба, а не приказ, – выдал из себя покрасневший подполковник, понявший, что разговор пошёл не по плану и что он некоторым образом опростоволосился.

– А почему вы тогда запрещаете мне перевестись в другую группу?

– Потому что всё уже согласовано, команды притёрлись, и менять что-либо уже поздно, да и опасно.

– Тогда к чему такой запелляционный тон, ваше превосходительство? И почему я должен всенепреренно погибнуть, спасая других?

– Никто вас не принуждает погибать, спасая других, это вы неправильно поняли мои слова.

– Ммм, а мне послышалось совсем другое.

– Вам послышалось, я просто прошу приложить все силы для защиты любого из вашей команды. Это очень важно, без них наш штурм может пойти совсем не так, как планируется.

– Хорошо, я учту вашу просьбу.

– Учтите, она очень важна для командования, и если у вас нет ко мне вопросов, то вы можете идти отдыхать.

– Вопросов нет, спасибо за разрешение. Честь имею!

Подполковник тоже встал и хмуро ответил в ответ.

– Честь имею! – после чего я вышел из его кабинета.

Глава 3. Штурм

Выйдя из штаба, я не смог сразу успокоиться, а ещё долго ходил кругами, невольно прислушиваясь к разговорам людей, в это время отдыхавших возле палаток либо активно готовящихся ко сну. Кто-то делал вечернюю разминку, кто-то просто курил сигарету или трубку, наслаждаясь не только запахом табачного дыма, но и тёплым влажным ветром, что временами налетал с Петровского залива.

Лёгкий гул разговоров переплетался между собою и превращался в стабильный фон, в котором трудно что-то разобрать, даже если специально вслушиваться, просто набор отрывочных фраз и слов. Да я и не вслушивался, всё и так понятно, о чём говорили сейчас мужчины самых разных возрастов и положения. Немного успокоившись, я подошёл к своей палатке и, откинув полог, очутился внутри.

– О, а вот и наш защитник пришёл, – поправ прямо в точку, сказал барон Первых.

Я невольно остановился, подозрительно посмотрев на барона, но судя по его виду, он сказал это без всякой задней мысли, не предполагая того, что совсем недавно мы обсуждали с подполковником. Гм, и это очень хорошо.

– О чём ты с подполковником разговаривал? – продолжил говорить Первых.

– О вас.

– Обо мне? – удивился барон.

– Не только о вас, но и обо всей команде.

– Гм, а почему именно с тобой?

– Потому что меня призвали к самым решительным действиям по защите всей команды.

– Ммм, а ты нас без этой просьбы разве бы не защищал?

– Защищал, конечно, но я могу сделать только то, что в моих силах, и мне не разорваться на всех. В конце концов, я не знаю полностью возможностей своего дара, боюсь, что они могут оказаться несколько преувеличены, в том числе и мною. У меня нет опыта боя, в котором принимают участие больше десятка человек, и взрыв снаряда я не держал, и сколько продлится действие моего дара после того, как смогу его удержать, я не в состоянии понять. Я даже не знаю, смогу ли я вообще защититься от разрыва снаряда – это мне просто неизвестно.

– Вот завтра обо всём и узнаем, господи, – вдруг перебил меня доктор, – и думаю, что нам всем пора уже лечь спать, мы жутко устали, а завтра ждёт неизвестность и, возможно, последний бой в нашей жизни. Тьфу, чтобы этого не случилось, ни при каких обстоятельствах.

– Фёдор, – неожиданно вклинулся в разговор Вемин, – а ты же воевал?

– Да, – с удивлением ответил я, повернувшись к нему.

– И сколько ты уже убил человек?

– Человек пятнадцать, наверное, я точно не считал.

В воздухе повисла продолжительная пауза.

– Так ты что, воевал на войне?

– Нет, два раза на меня покушались. Вернее, не то, чтобы на меня, а так получалось, что я находился там, где анархисты готовили покушение на других. Потом на нас напали в военнополовом лагере, там я и получил шрам, а последний бой произошёл в духовно-инженерной академии, там мне пришлось убить ещё троих анархистов, вот так и набежало такое количество, а что?

– Гм, да так, ничего, хотел просто сказать тебе, чтобы ты заставлял меня применять дар без всякого снисхождения, и лучше, чтобы я не видел никого из тех, по кому стану его применять. Да я это всем говорю: нет у меня желания никого убивать, это противно самой моей сущности, но и отказаться от предстоящего боя я не могу.

– Наверное, так не получится, – растерялся я, – но я понял. Ничего страшного, после первых выстрелов к нам придёт и страх, и гнев, и жажда мести, особенно, когда кого-нибудь рядом убьют или ранят. Не переживайте, я буду рядом и помогу вам.

– Да, будь рядом, Фёдор, я хоть и старше тебя, но в таком деле полагаться на возраст – глупая затея. Я как взглянул на твоё лицо, так сразу понял, что ты побывал в разных жизненных неурядицах и сюсюкать ни с кем не станешь, а то есть у меня такое у самого. Боженька, когда давал мне дар свой, недоглядел, что не тому его выделил, но я не в обиде, как случилось, так и есть, значит, судьба, – проговорив последние слова, Вемин улёгся в кровать и буквально сразу же заснул.

Эта его способность просто поражала. Барон Первых хотел было что-то сказать Вемину, но опоздал, да тот и не хотел почему-то разговаривать именно с ним, то ли не доверял, то ли по другим причинам.

– Я присмотрю за Веминим, Фёдор, а ты займешься другими делами, пока не возникнет необходимость защищать нас, и тогда я тебя позову. Вемин прав, уж такой у него характер.

Мысленно пожав плечами, я стал укладываться спать, доктор с командиром нашего небольшого отряда только переглянулись и, не сговариваясь, вышли из палатки, чтобы поговорить на свежем воздухе и без всяких свидетелей. Да и ладно, а мне бы сейчас только выспаться да Женевьеву ещё раз хоть во сне поцеловать.

Когда они вернулись в палатку, я почти спал, находясь где-то посередине между сном и явью, и через минуту окончательно заснул. Утром нас разбудили чуть свет, последовал быстрый лёгкий завтрак, и вот мы уже стоим все вместе на утренней поверке и строимся согласно штурмовым группам.

Перестроив всех в колонны для предстоящей атаки, состоящие частью из гвардейцев и частью из нас, командир полка, седовласый пожилой полковник обратился к нам с напутственной речью.

– Гвардейцы и те, кто в час испытаний пришёл к нам для того, чтобы спасти империю в разгар предательства и обмана. Я верю в вас и надеюсь, что вы не осрамите старых штандартов нашего полка, прошедших в веках не одно сражение! Я, старый солдат, горжусь оказанной мне честью вести вас в бой лично. Да не посрамят мы величия своих предков и накажем предателей, отдав им в полной мере то, что они заслужили! Не посрамят! – вдруг крикнул он, и в ответ весь строй сорвался на ответный крик.

– Не посрамят!

– Наша задача – взять Кроншлот с наименьшими потерями. Сдающихся в плен – щадить, оказывающих сопротивление – принуждать к сдаче в плен, а упорно оказывающих сопротивление или отказывающихся сдаваться в плен – уничтожать безжалостно. Если вы видите, что вам оказывают сопротивление люди, не принадлежащие к императорской армии или флоту, то вы должны уничтожать их в первую очередь, и в плен таких не брать. Ответственность за их смерть я беру на себя. Приказываю не щадить шпионов и диверсантов!

Строй громко выдохнул и загудел, начав по-тихому обсуждать эту новость. А полковник продолжал.

– Сегодня мы должны покончить со старой гидрой анархической революции и стереть саму память о ней. Кроншлот нужно взять, а мятежников уничтожить! Это приказ императора! С Богом!

Командиры, получив отмашку, сразу засуетились, выкрикивая команды. Барон Первых тоже принялся командовать, нам придали целый взвод из двадцати пяти человек, а сама штурм-команда влилась в гораздо более крупное подразделение, состоящее уже из сотни человек, вместе с гвардейцами.

Немного позже мы получили оружие и нас начали распределять по грузовикам. В оружейной комнате я получил снайперскую винтовку, но к моему удивлению, прицел в ней ока-

зался совсем иным, намного лучше, чем у той, из которой я стрелял на полигоне. Да и сама винтовка оказалась другой, непохожей на все, что я когда-либо видел.

Её достали из железного ящика, что стоял отдельно, кажется, его привезли специально, не видел я его в прошлый раз, когда получал оружие именно в этой оружейной комнате.

Сама винтовка оказалась короче кавалерийского карабина, но взамен длины она получила на конце ствола решётчатый набалдашник, да и сам дизайн этого чудо-оружия как бы ненавязчиво намекал на то, что это штучный товар, сделанный по спецзаказу и выпущенный в ограниченном количестве. Почему её выдали именно мне, я не знал, но в целом догадывался.

– Пристреливать будешь уже в бою, – напутствовал меня оружейный техник, который находился здесь же. – Перед началом атаки постреляешь и поймёшь, чего она стоит, а вообще, удобная вещь и очень мощная. Патроны зря не трать, у тебя браунинг на то есть, его в ближнем бою используй, а винтовку, то есть карабин, особенно.

– Понял, буду знать.

– Патронов к ней всего тридцать штук боевых, так что, используй с оглядкой. Экспериментальная, после боя расскажешь о ней всё подробно. А для пристрелки, вот, возьми холостые патроны, пять штук, просто, чтобы понять отдачу и всё остальное. Это слабая замена, но лучше такая, чем никакой вообще.

– Хорошо.

Забрав карабин, хотя проще говорить «винтовка», по старой памяти, я встал в общий строй, ожидая, когда все вооружатся. Вскоре, уже разместившись в грузовике, я начал более подробно рассматривать винтовку, держа её перед собой. Магазин я отстегнул, от греха подальше, саму винтовку упёр прикладом в пол и принялся внимательно изучать. Да, досталось же мне чудо-оружие, которое отдали практически наспех, лишь бы проверить. Вот как бы ещё ствол у неё не разорвался в бою, вот будет потеха, и стоит она, наверно, несколько тысяч золотых. М-да...

Винтовка заинтересовала многих сидящих рядом, но вопросов никто задавать не стал, просто рассматривали, пока я крутил её со всех сторон. Во взглядах некоторых солдат читался прямой вопрос: «За что выдали такую цацу?»

Однако мои лычки старшего унтер-офицера не позволяли им это спросить прямо, да и что они бы услышали в ответ? Так что, этот риторический вопрос так и остался невысказанным. Между тем, вереница грузовиков выехала на побережье Петровского залива и, подкатив к неизвестной мне пристани, стала останавливаться.

– К машине! – прозвучала уставная команда, и солдаты посыпались из грузовиков, как горох, спрыгивая один за другим на землю. Немного погодя полезли и мы: я первый, а следом мои великовозрастные сотоварищи.

– Пароходы стоят у пристани, наш называется «Император Константин», – пояснил нам командир роты, и мы, встав в строй позади гвардейцев, направились к нужному пароходу.

«Император Константин» оказался небольшим прогулочным пароходиком, на который впереди установили морской станковый пулемёт, больше похожий на худосочную пушку с бронированным щитом, а по бортам навесили толстые листы железа. Собственно, на этом все изменения и закончились.

Поднявшись на его борт, солдаты разместились, кто где, а нам предоставили небольшие тесные каюты, рассчитанные на двоих человек, а не на четверых. Сидеть в тесноте и смотреть в иллюминатор я не хотел и, забрав с собой снайперскую винтовку, поднялся на палубу.

Свежий морской ветер чуть было не сорвал с меня армейскую фуражку и не бросил в свинцовые воды залива, но я в последний момент успел её подхватить и водрузил обратно на голову. Пароходик шёл ходко, выбивая из-под своего носа бело-пенистые буруны, а впереди на нас наплывал серый мрачный форт.

Форт напоминал своей формой огромный торт, залитый сверху чернейшим шоколадом. Его крыша даже отсюда выглядела какой-то обугленной, мрачней сверху темной, стекающей сверху вниз по стенам. Многочисленные амбразуры, расположенные по кругу, в большинстве своём имели следы копти от бушевавшего внутри пламени, совсем свежие. Тут я вспомнил о винтовке, что лежала у меня в руках, и, упёршись о стенку какой-то надстройки, приложил её к глазам и начал внимательно рассматривать сквозь прицел форт.

– Интересно, а почему не видно следов от пуль и снарядов? – сказал я вслух, отняв от глаз прицел.

– Наши с дирижаблями атаковали его и залили сверху чем-то сильно горючим и дымучим. Выкурили их, получается, как тараканов из щелей, потому и не видно следов от снарядов и крупнокалиберных пуль, не стреляли по форту с моря, – пояснил мне оказавшийся рядом капитан Бесконин, командир роты, плившей на этом пароходе.

– Тогда ясно.

– Хорошо видно? – кивнул он на винтовку.

– Да, как будто рукой подать.

– Это хорошо, а то, боюсь, что на подходе к Кроншлоту станут по нам стрелять издалека, а мы и не сможем ответить.

Я невольно оглянулся на идущие параллельным курсом и позади нас различные пароходы, самоходные катера и небольшие военные судна. Всего я насчитал около двадцати морских средств, на которых везли войска для штурма.

– Да, могут избирательно палить, а могут и не тронуть, это уж как повезёт, наши на дирижаблях поддержат десант, чтобы не мешали высадке, но кто его знает, как там дальше получится, – продолжал пояснять командир роты.

Я кивнул.

– Буду стрелять отсюда, только вот качка мешает, а мне всего тридцать патронов выделили, винтовка редкая, патронов мало на неё сделали.

– Это я вижу, а чтобы стрелять, можно и на крышу парохода лечь, это, конечно, не очень удобно, зато можно стать единым целым с пароходом и произвести выстрел, взяв упреждение на качку, но лучше бы подождать, когда поближе подойдем. Ветра почти нет, волны слабые, стрелять можно.

– Понял, тогда подожду, когда подойдём ближе.

– Да не жди, я капитану скажу, он даст матроса, который поможет тебе улечься, как следует, снайпер нам нужен, тем более, из числа одарённых, тебе же просто так такую винтовку бы не вручили, так ведь?

– Да, я занимался снайпингом, и много чем занимался, вот и вручили её.

– Я про это и говорю. Подожди, сейчас поможем тебе подняться на крышу.

Минут через пять, опёршись на подстеленную дерюгу, я уже целился в наплывающий на нас берег. Через прицел винтовки я видел, как будто совсем рядом здания, баррикады, расположенные возле них, и перебегающих между ними людей.

Я не торопился стрелять, да и команды на то не имел пока, а просто рассматривал укрепления анархистов и сочувствующих им матросов, созданные на берегу. Пароход и другие плавсредства, на которых мы передвигались, шли быстро, и долго мне лежать в неведении не пришлось.

Нас заметили уже давно, но не стреляли, ожидая, когда подплывём поближе, и тоже смотрели сквозь прорезь прицельных приспособлений. Не знаю, как на других кораблях, растянувшихся вдоль берега, но мы, в моём лице, были к высадке готовы. Вдоль бортов парохода выставили щиты из толстого металла, что немного укрывали спрятавшихся за ними солдат, выставили пару ручных пулемётов, вкуче станковому, что находился на носу парохода.

Большого сделать в кратчайшие сроки, скорее всего, и не оказалось возможным.

Мы постепенно подплывали на расстояние прямого выстрела, и все отчётливо напряглись, ожидая чего угодно. И всё же, начало боя оказалось неожиданным для всех. Внезапно окно на втором этажа берегового здания разлетелось на куски, и оттуда высунулось тупое жерло короткоствольного трёхдюймового орудия. Здание находилось практически напротив нас, и выстрел явно предназначался для нашего парохода.

Разбив окно, ствол качнулся, пушку поставили на место, наскоро прицелились, и почти сразу же прогремел выстрел. В оптический прицел мне хорошо было видно, как жерло орудия выплеснуло из себя огонь и сразу же окуталось пороховым дымом от выстрела.

Снаряд пролетел над нами и плюхнулся в воду где-то позади, грянул взрыв, что поднял со дна белый султан пены, ила и собственно морской воды. Оказалось, что снаряд разорвался между судами, накрыв более мелкий корабль, шедший за нами, струями уже опадавшей воды и мелкими осколками. Пострадал ли кто-то на нём, я не знал, и не собирался узнавать, потому как всецело занялся выслеживанием obsługi орудия.

Буквально сразу же после выстрела (скорее всего, это оказался сигнал) со всех сторон Кроншлота послышались пулёмётные очереди, и огненные «шмели» потянулись в сторону идущих к острову кораблей.

Я быстро приложил винтовку к плечу и, почти не целясь, выстрелил холостым. Винтовка дрогнула, выплюнув из ствола пороховые газы, больно ударив меня в плечо. Я быстро передёрнул затвор, отметив про себя то, насколько это легко получилось сделать, и, уже прицелившись гораздо лучше, выстрелил вновь. На этот раз я приготовился к тому, что винтовка вновь взбрыкнёт, и удержал её, вновь перезарядил и выстрелил.

Пулёмётная очередь с берега, выбивая фонтанчики воды перед собой, зашпешила наперерез нашему судну. А для меня во всей внезапности открылась картина многочисленных целей, которые необходимо поразить в первую очередь. В прицеле ясно появился щит пулемета, торчащего из окна, но он надёжно закрывал свою прислугу, что сейчас перезаряджала орудие.

Я беспомощно скользил по нему взглядом, но не мог увидеть никого из тех, кто прятался за орудием. Как они целились, и делали ли это вообще, интересный вопрос, на который у меня не имелось ответа. Отстегнув магазин с оставшимися двумя холостыми патронами, я перезарядил винтовку боевыми и вновь прицелился.

В это время все три пулемёта нашего корабля начали бить по острову. Поднялся невообразимый грохот от выстрелов, застучали по палубе пустые гильзы, выкидываемые затворами пулемётов. Штурм начался!

– Я не могу поразить орудие! – крикнул я изо всех сил, но меня никто не слушал, а пушка вновь выстрелила. На сей раз гораздо удачнее, чуть не попав в идущий параллельным курсом к берегу катер.

Фонтан воды взмыл к небу справа от нас и стал медленно опадать, рассеивая вокруг себя водяную пыль, а я вновь приник к окуляру оптического прицела и, рассмотрев на баррикаде наиболее активного пулёмётчика, тщательно прицелился и, плавно нажав на спуск, выстрелил.

Как раз в момент выстрела палуба пошла вверх, и я немного промахнулся, попав не в голову, а в плечо пулёмётчика, однако этого ему хватило, чтобы отпрянуть от пушки, а я стал искать следующую цель и внезапно понял, как прицеливается орудие.

В соседнем окне, рядом с тем, откуда стреляла пушка, сидел с биноклем какой-то человек, одетый в гражданскую одежду, и активно командовал, выкрикивая распоряжения в соседнюю комнату. Орудие уже успели перезарядить, и оно вновь гулко выстрелило. Снаряд взорвался вновь позади, не причинив никому вреда, но так долго продолжаться не могло и, взяв на прицел наблюдателя, я плавно нажал на спуск.

Винтовка вздрогнула от выстрела, больно ударив меня в плечо, так как я забылся, и в этот момент я увидел, как пуля ударила в голову наблюдателю и откинула его назад. Передёрнув затвор, я загнал следующий патрон в патронник, продолжая следить за этой комнатой. Там

царила суета, кто-то забежал, подставившись под следующий мой выстрел, и остался лежать рядом.

В это время наш пароход содрогался всем корпусом от ответных выстрелов. В нас начали попадать, вскрикнул кто-то из солдат, поймав пулю, кто-то заматерился, а пулемёты с берега открыли бешеный огонь. Почти сразу к ним добавились хлёткие винтовочные выстрелы, а вскоре затрещали и револьверы, под таким огнём нечего было и думать высаживаться, слишком большие потери могли случиться, и в это время меня громко окрикнули, да так, что я услышал сквозь горячку боя.

– Дегтярёв!!!

Я приподнял голову и увидел барона Первых.

– Слезай мигом, Вемин ударить должен даром, а ты прикрывать его будешь.

Не став прицеливаться в очередного врага, я встал и, зажав винтовку в правой руке, как мог, быстро спустился с крыши, ведь я совсем забыл про Вемина и своё обещание. Да и как тут вспомнить, когда вокруг такое творится!

Берег стремительно приближался, а накал неприятельского огня не ослабевал, пули так и летели вокруг, цокая то об обшивку, то об выставленные вдоль бортов щиты. Вемин сидел под защитой одного из щитов, отсюда кричал и барон Первых, и как он смог докричаться до меня в такой грохот?!

– Выставляй щит! – скомандовал он.

– Есть! – я задействовал щит, встав во весь рост, – всё работает! – крикнул я уже Вемину, – можно встать возле меня, я прикрою.

Вемин кивнул, встал, шагнул ко мне, поднял руки и резким мощным выбросом энергии своего дара ударил по берегу, не разбирая, куда именно. Колоссальной силы молния сорвалась с его рук и, ударив по ближайшей баррикаде, зазмеилась по всему берегу, достав даже до здания, откуда по-прежнему торчал ствол пушки. Я никогда не видел такой огромной молнии и никогда не встречался с настолько сильным боевым даром.

Молния буквально прожгла ближайшую баррикаду и прошла дальше, поражая электрическим током всё живое. Мы подплыли достаточно быстро, чтобы увидеть, как люди, к которым прикоснулся разряд, падали замертво или корчились от удара, если повезло его частично изолировать. На берегу стоял сплошной треск электрических разрядов, они ударяли во всё живое, обездвигивая его или убивая наповал, и мало кому на берегу удалось уцелеть от этого удара. Не хотел бы я попасть под него и, наверное, мой щит тоже не смог выдержать удар такой силы. Да что там думать да гадать, конечно же, не смог! В лучшем случае, я просто случайно выжил и всё.

С берега прекратился огонь, и лишь одна пуля, выпущенная в самом начале атаки, успела попасть в выставленный мной щит, на этом всё, а после удара Вемина массовая стрельба с берега просто прекратилась. Вемин пошатнулся и открыл глаза. Взглянув на дело рук своих, он резко отвернулся, чуть не упав, отчего его пришлось подхватить барону Первых. Не отпуская товарища, он быстро повёл его в каюту. Через несколько секунд они исчезли внутри парохода, оставив меня в глубочайшем удивлении. Впрочем, дело он своё сделал, но нам бы и дальше пригодилось его дар использовать, но видно не судьба, а ведь он предупреждал нас...

Пароход резко ускорил ход, затем также резко его сбросил и стал разворачиваться бортом, чтобы дать возможность команде высадиться на берег. Это оказалось не так-то и просто: вокруг острова имелись лишь только пристани, остальная береговая линия имела довольно глубокий уровень воды, необходимый для удобства судоходства. Пляжей здесь вообще не наблюдалось, как и мелководья возле берега. Впрочем, изначально он и планировался как крепость на пути к столице.

Пароход вывернул, как и остальные, что шли рядом с нами или за нами, и стал подходить к пристани. Немного не рассчитав, он сильно стукнулся бортом о бетонный волнолом, отчего

многие попадали, и дальше началась высадка. Кто-то выпрыгивал на ходу, некоторые спустили с другого борта шлюпку и, разместившись в ней, поплыл к берегу, но основная масса ожидала, когда бросят трап, по которому можно сбежать на берег.

Всё это происходило быстро, с криками, грохотом выстрелов и прочим шабашом, что всегда сопровождает практически любой бой, а уж морской, так и подавно. Канонады с берега почти не раздавалось, только лишь отдельные револьверные выстрелы, зато все три наших пулемёта работали безостановочно, поливая окрестности дождём из пуль и не экономя на патронах.

Чтобы не мешать высадке, я отошел в сторону, взял на прицел окна ближайшего здания, но в них пока никто не появлялся. Между тем весь берег оказался подконтролен солдатам гвардейских полков, в том числе и нашей штурмовой группе, и, разбившись на тройки и пятёрки, они стали захватывать не только баррикады, ломая слабое сопротивление, но и окрестные дома.

Я оглянулся на пароход и увидел доктора Преображенского, что уже оказывал помощь нашим солдатами, и даже некоторым выжившим после электрического удара анархистам и морякам. Подойдя к нему, в готовности закрыть щитом, я стал ждать, когда появится Первых и Вемин. Приказ закрывать щитом у меня был только на них, да пока гвардейцы и сами справлялись. Лишь минут через пять, когда гвардейцы практически скрылись впереди, появился Первых, буквально таща за собою химика.

– Полегчало? – спросил доктор Преображенский, что, оказав первую помощь всем вокруг, в том числе и Вемину, стоял возле меня.

– Полегчало, но ненамного. Наш товарищ не хотел никого убивать, это для него шок, его дар очень сильный, а теперь он увидел последствия, какие и предполагал вчера, прося нас помочь ему.

– А как же он решился на бой, если знал, что так произойдет?

– У него тоже есть личные счёты с анархистами, как и у тебя, Фёдор.

Я невольно глянул на бледного, как смерть, Вемина, и покачал головой, поверив полностью этому человеку. Да, не позавидуешь такому.

– Со мной всё в порядке, мне всё равно требовалось восстановить энергию, и я готов дальше воевать, но уже не с таким размахом, – вдруг сказал Вемин.

– Вот и отлично! – тут же отреагировал доктор и, схватив его за запястье, начал считать пульс, а я автоматически закрыл нас щитом, задействовав его на четверть силы, просто на всякий случай.

Мы двинулись вперёд, и вдруг со стороны баррикады, казалось бы, оставленной всеми, кроме трупов и тяжелораненых, прозвучал револьверный выстрел. Стреляли в нас, в кого именно, я не понял, но мой щит мгновенно обрёл стопроцентную прочность, как только я услышал звук выстрела. Пуля, уже попав в него, почти пробила конструкцию, когда я успел увеличить мощность.

Первых оглянулся, увидел, откуда стреляли, и разрядил полбарабана в ту сторону. Оставив нас втроём, он быстро побежал, убедился, что попал и, махнув револьвером, пошёл вперёд, туда, куда убежали гвардейцы нашей штурмовой группы.

– Я считаю, что наша группа уже выполнила возложенную задачу, но штурм ещё продолжается, поэтому нам стоит поторопиться и спасти ещё несколько солдатских жизней, пока всё не закончилось. Приказ нам дан однозначный, поэтому, господа, прошу вас поторопиться за мной, – сказал он нам уже на ходу.

Я пожал плечами, и без этих напутствий всё понятно, а вот как быть с защитой? Я сейчас прикрыл всех, но бежать за другими вприпрыжку и держать щит над каждым я, увы, не способен. Мне бы себя защитить, а тут то доктор отбегает оказывать помощь, то Вемин прячется, да и сам Первых лезет вперёд, не спрашивая у меня на то разрешения. Это разозлило меня.

– Вы тогда, господин барон, не убегайте вперёд, а то я могу защитить вас только вблизи, а не издалека, раз уж так получилось, что от моего дара зависят наши жизни. Поэтому попрошу всех от меня не отходить вообще.

Сделав паузу, я достал из внутреннего кармана выданный энергетический батончик и, развернув вощёную бумагу, стал с хрустом его жевать, не обращая больше внимания на остальных участников нашей группы. Как говорится, сделай паузу, скушай Первых остановился, хотел что-то сказать в ответ, но вовремя понял, что в этом вопросе я прав.

– Да, нам надо держаться вместе в бою. Хорошо, тогда идём так: я впереди, за мной Вемин, дальше доктор, и последним идёшь ты, Фёдор.

– Хорошо, – отозвался я, и мы заспешили дальше.

Глава 4. Штурм часть вторая

Нагнали мы гвардейцев уже в начале следующего квартала, которые оказались здесь совсем небольшими. Сами гвардейцы не спешили лезть под пули, чего-то выжидая или, наоборот, дожидаясь, когда мы подойдём к ним.

Судя по всему, нашей штурмовой группе достался самый опасный участок берега, на других направлениях высадка прошла легче, да и стреляли там хоть и часто, но в основном с нашей стороны. Однако колоссальной силы удар Вемина практически смёл всю оборону берега вокруг нас, видимо, на это и шёл расчёт командования. Теперь нам предстояло зачистить оставшуюся часть Кроншлота от повстанцев.

Наша цель – здания флотских казарм и Адмиралтейская церковь, вокруг которой заняли оборону повстанцы, находясь во всех зданиях: от принадлежащих флоту до гражданских. Это уже нам на ходу разъяснил Первых, да мне и без разницы, какую выполнять задачу и где, лишь бы выжить. Мы пробрались к сидевшим за очередной баррикадой гвардейцам, и барон Первых вступил в переговоры с командиром роты.

– Что нам дальше делать, какие объекты штурмовать будем?

Бесконин обернулся на нас.

– А ваш товарищ сможет ещё раз долбануть вон по тому зданию? – указал он нам на казарму, из которой стреляли со всех окон.

– Сможешь? – спросил Первых у Вемина.

– Нет, по зданию не буду: и сил уже нет, и бесполезно это, заряд уйдёт в основном в землю. А после этого удара я уже не смогу бить так сильно и окажусь полностью бесполезен.

– Понятно, значит, штурмовать придётся своими силами. Да нам хотя бы дверь выбить.

– Дверь выбью, – кивнул Вемин.

– Дверь можно и гранатами выбить, – отреагировал Первых, а пулемётчиков Дегтярёв снимет.

Командир роты покосился на мою винтовку и согласился. Я же окинул взглядом здание казармы. Перед зданием располагался небольшой плац, который нам и стоило перебежать, чтобы попасть в здание, и вот это свободное пространство простреливалось со всех сторон, о чём свидетельствовало несколько трупов в матросской и гражданской одежде, не успевших то ли укрыться, то ли сбежать.

Здесь действительно без снайпера не обойтись. Наши пулемётчики работали, не переставая, но их огонь хоть и подавлял некоторые огневые точки, но не полностью. В ответ ведь тоже стреляли, причём очень даже хорошо.

Я выбрал удобное место и залёг, взяв на прицел задание. Я рассмотрел, что в одном окне торчал ствол станкового пулемёта, за которым я без труда увидел самого пулемётчика. Прицелившись, я навёл прицел и, задержав дыхание, выстрелил.

Пуля, влетев в прорезь щитка, пробила голову стрелку, откинув его назад, а я передёрнул затвор, дослав новый патрон в патронник. В прицеле появилась голова другого пулемётчика, что решил перехватить стрельбу, я вновь нажал на спуск, отправив очередного анархиста к праотцам.

– Ловко ты стреляешь, – похвалил меня Первых, сидевший рядом со мной.

– Винтовка хорошая.

Пулемёт замолчал и больше не стрелял, никто из противников не пытался к нему подползти. С нашей стороны стали готовиться к атаке, вяло постреливая по окнам казармы. Не зная общего плана, я просто ждал, когда либо мы пойдём в атаку, либо другие штурмовые

группы и, собственно, дождался. Барон Первых подполз к командиру роты и стал с ним совещаться, тот всё кивал на здание казармы и, видимо, уговаривал нанести по ней удар молнией.

«Нанести-то можно, а вот дальше что? – подумал я, – ведь Вемин ясно дал понять, что он сможет только один раз ударить мощно, а потом – всё! Что там дальше – неизвестно, может, такой переплёт случится, что тушите свет и бегите». М-да...

Что тут думать, только расстраиваться, я прикинул к прицелу и стал искать подходящую цель, долгое время ничего не находилось, я ждал. Я уже практически сжился со снайперской винтовкой, мне она нравилась, и стрелять из неё тоже привык, чувств к противнику я никаких не испытывал, как будто по мишеням стрелял. Наверное, это так механизмы защитные срабатывали.

Вокруг царило затишье, в любую минуту готовое взорваться трескотнёй выстрелов и прочей адской какофонией войны. Положение повстанцев уже, по моему мнению, казалось катастрофическим, но как на самом деле они оценивали его, я, конечно же, не знал.

Вот в одном из окон появился ствол винтовки, владелец которой явно хотел убить кого-то из нас. Ну, пусть попробует. Направив ствол на него, в прицел я увидел довольно странного типа, одетого в гражданскую одежду, по внешнему виду которого трудно было вообще определить, кем он является. Рассматривать долго я его не собирался, а просто плавно нажал на спусковой крючок. Винтовка вздрогнула отдачей выстрела, человек, получивший пулю в лоб, упал назад, а его винтовка покатила по полу.

– Гляди, готов! – выразил свой восторг моим метким выстрелом один из солдат.

Я молча кивнул, я делал такое дело, в котором чужие восторги не нужны и только привлекают к тебе лишнее внимание. Между тем наше ожидание затягивалось, но, как оказалось, ненадолго. Несколько раз командир роты пытался принудить осаждённых к сдаче, но безрезультатно.

С противоположной стороны послышался громкий взрыв, там пошли в атаку, наш командир роты махнул рукой, а барон Первых продублировал его команду.

Гвардейцы открыли шквальный огонь из винтовок и пулемётов по зданию казармы, и через пару минут поднялись в бой, прикрываясь пулемётным огнём. Вемин не применял свой дар, а сидел за баррикадой с безучастным видом, временами вздрагивая от особо гулких выстрелов, рядом с ним сидел и доктор. Я вновь прикинул к прицелу и снял ещё одного любителя пострелять из окна, на этот раз из револьвера.

Гвардейцы, потеряв пару человек ранеными, успели добежать до здания и, кинув в дверь и окна гранаты, вышибли как то, так и другое. Из окон больше никто не стрелял. Первых и Вемин не собирались атаковать, но вот доктору нужно было оказать помощь раненым, а мне ему помочь, закрыв нас обоих слабомощным щитом. Мы добежали до первого раненого, и пока доктор с ним возился, я внимательно смотрел по сторонам, отложив винтовку в сторону и полуприсев.

По нам никто не стрелял, поэтому мы смогли помочь обоим раненым и оттащить их к зданию казармы, внутри которого слышалась ожесточённая перестрелка. Она не продолжалась долго, и едва я решил пойти на помощь, закончилась.

Из здания стали выводить пленных матросов, прикрывавших отступление неизвестных гражданских лиц, успевших сбежать до начала штурма здания. Вот так всегда: кто-то воюет за свои идеалы, может, и ошибочные, а кто-то прячется за ними, преследуя свои сугубо личные цели, а то и цели иностранного государства.

– Сбежали, суки! – поведал нам командир роты капитан Бесконин.

В здание пришли уже и Вемин с Первых, и вся наша команда оказалась в сборе, не хватало только окончательной цели, чтобы завершить нашу миссию и свалить побыстрее отсюда. Меня уже начинало тошнить от запаха пороха, свежей крови и убийств, в том числе и тех, что приходилось совершать мне.

Война – грязное и неприятное дело, оскотиниться на ней нетрудно, чего бы мне совсем не хотелось, а уж, судя по Вемину, ему ещё больше. Бедолага вообще ждал только одного – когда он сможет нанести ещё один мощный удар и от него отстанут. А мне бы не допустить гибели и ранения всей группы, и всё на этом. Я проверил наличие патронов к винтовке, оставалось ещё двадцать пять штук – воевать можно.

– Что делать дальше, каков план? – спросил я у Первых. Мы вообще миссию свою выполнили?

– Нет, к сожалению. Всё закончится ровно тогда, когда правительственные войска полностью захватят Кроншлот. А может, даже и тогда не закончится, и часть команды продолжит поиск повстанцев.

Первых бросил быстрый взгляд на Вемину и перевёл на меня. В его взгляде я прочитал немой вопрос, на который пока рано отвечать, да и не стоит. Несмотря на свою молодость, я уже стал многое понимать, потому что повзрослел слишком быстро и рано. Юношеский максимализм ещё сказывался, но вместо него пришёл здоровый прагматизм и даже некоторая циничность.

Когда часто стоишь перед нравственным выбором, то и дело попадаешь в переделки, из которых рискуешь не вернуться, мозги начинают работать немного по-другому, не сказать, что совсем, но они становятся на своё место.

Вскоре гвардейцы полностью захватили здание казармы, и часть из них увела пленных в сторону пристани, сразу же пришло первое распоряжение и более высокое начальство, что знало больше, чем мы, вместе взятые.

Мы сидели на втором этаже, временами выглядывая в окна, когда возле здания появился небольшой, но хорошо вооружённый армейский отряд. Отряд проследовал в здание, а вскоре к нам в комнату зашёл капитан Бескониин, сопровождая неизвестного армейского полковника и жандарма с погонями майора на кителе.

Внимательно рассмотрев всех нас, полковник сразу обратился к барону Первых.

– Поздравляю Семён Семёныч! Вы всё сделали великолепно, и самый сложный участок берега оказался мастерски освобождён при помощи вашей группы.

Полковника этого я видел в первый раз, как и майора, а то, что полковник вроде как узнал Первых, меня удивило, но не сильно. Мало ли... Да и всё равно, собственно. Я отвернулся и, не выставляя винтовку в окно, стал целиться из неё, рассматривая через прицел противоположные нашему наступлению окрестности. Впереди отчётливо виднелся Адмиралтейский храм, а за ним вновь плескалось море.

Кроншлот сам по себе небольшой остров, но зато весь заполненный зданиями и крепостями, вот перед Адмиралтейским храмом и высилась одна из старинных крепостей, сложенная из кирпичей и гранита, а вокруг неё проходил Петровский канал, небольшой, но достаточно глубокий, чтобы не лезть в него наобум. Перепрыгнуть его тоже нет возможности, всё же, три метра из людей никто не сумеет преодолеть.

– Видишь крепость? – переключил на меня внимание полковник.

– Да, – отнял я прицел от лица.

– Вот она и есть наша цель, последняя цель Кроншлота. Возьмём её, сопротивление падёт, там сейчас окопались самые отпетые, те, у кого кровь на руках, и те, кто не смог сбежать отсюда. Мы перекрыли все пути к бегству, часть преступников, всё же, смогли уйти, но их догонят. А вот этим бежать некуда, остальные успели сдаться.

Полковник, не дожидаясь моего ответа, вновь повернулся к Первых.

– Сейчас командование начнёт переговоры о сдаче, не знаю, чем они завершатся, скорее всего, отказом, после чего и начнётся штурм. И нам важно одним ударом прорвать их оборону, ваша группа способна нанести такой удар?

Первых кивнул и повернулся к Вемину, тот поднял глаза на полковника.

- Куда я должен нанести удар?
- По воротам, нужно их выбить.
- Убивать никого не обязательно?
- Нет, может кто-то и пострадает при этом, но скорее всего, возле ворот никого не окажется, они слишком толстые, их даже снарядом не сразу возьмёшь.
- У меня боевой дар воздействия электричеством, оно может обуглить ворота или прожечь, но незначительно.
- Нет, нам необходимо, чтобы вы их именно выбили.
- Я тогда не знаю, что делать, – беспомощно развёл руками Вемин.

Все задумались, пытаясь осмыслить, что предпринять в этом случае, задумался и я.

- А если плазмой? – внезапно осенило меня.
- Какой плазмой? – уставился на меня удивлённо Вемин.
- Ну, плазмой электрического разряда или электрической дуги, ну как шаровая молния, вы же понимаете её природу, она чего не коснётся, то сразу взрывается.
- Ааа, надо подумать, я так никогда не делал и мне необходимо немножко потренироваться.
- Только не в здании! – тут же отреагировал Первых, – и совсем чуть-чуть.
- Да-да, я понимаю, сейчас.

Все спустились вниз, где из окна первого этажа Вемин выпустил несколько шаровых молний. Вначале они не получались нужной конфигурации, но через десяток попыток он понял, как их создавать и делать устойчивыми, даже запустил, так сказать, пробный шар в дерево, который разнёс ствол почти полностью.

Пока он тренировался, а я продолжал рассматривать в оптический прицел крепость и собор, начались переговоры, что закончились безрезультатно, как и предполагал полковник. Пока все эти события шли своим чередом, я присматривал себе цели, не опасаясь ответного огня.

- Ну что же, нам пора в бой, – оповестил меня барон Первых.
- Уже? – отвлёкся я от созерцания расположения противника.
- Да, через пять минут начало штурма, Фёдор, тебе требуется прикрыть Вемину.
- Хорошо, но сначала мне нужно поразить несколько целей, они не дадут нам подобраться ближе.

– Почему?

– Потому что расстояние большое, и оно чистое, – я стал рассказывать и даже показывать, что может произойти, потому как уже всё детально рассмотрел и даже проконсультировался с капитаном.

– Теперь понятно, – барон отошёл к полковнику обсудить ситуацию, а тот собрал ещё несколько командиров, что стали между собой совещаться, позвали и Вемину, чтобы он или убедил их в правильности моих доводов, или наоборот, разубедил. К их сожалению, выходило, что я прав. Возможно, я не учел каких-то мелочей, но получалось, что нам придётся идти вдвоём практически на открытое пространство, чтобы дать возможность Вемину нанести удар.

Нас никто не сможет защитить, только мы сами, вернее, я. Конечно, нас постараются прикрывать, но в крепости оказалось полно бойниц и скрытых площадок, с которых можно долбить по нам практически безнаказанно. Мы окажемся под шквальным огнём, здесь поневоле задумаешься о плохом. Об этом я и задумался, когда мне сообщили о своём решении, и чем дальше размышлял, тем большим пессимистом становился.

Сейчас мы с Веминим стояли перед кучкой командиров, что постепенно собирались в нашем здании, находящимся ближе всего к крепости, и от которого штурмовать её оказывалось удобнее всего.

Давешний полковник с майором-жандармом, ещё один полковник, три подполковника и пара человек в штатском, с военной выправкой, имён, которых я не знал, как и их личностей. В общем, всё серьёзно.

– Готовы, господин Вемин, атаковать ворота крепости? – обратился старший полковник, если так можно было выразиться, к нему. Не знаю, кто он по должности, скорее всего, отвечал за штурм крепости, оттого и командовал всеми.

– Я готов, но мне нужно подойти как можно ближе, чтобы удар получился сильнее, и чтобы я смог рассмотреть всё в деталях.

– Мы вас прикроем огнём, не волнуйтесь, вы сможете подойти, к тому же, у вас есть защита и, – полковник перевёл взгляд на меня, а вслед за ним на меня стали смотреть и все остальные.

– Я видел, сколько бойниц в этом секторе крепости, вы им ничего не сможете сделать, они будут свободно стрелять по нам. А я не настолько силён в защите, чтобы выдержать огонь из двух десятков стволов, особенно, если это окажется хотя бы один пулемёт. Моей защиты хватит едва ли на минуту, если не меньше, – выразил я своё мнение самым мрачным тоном, на который оказался способен.

– Мы станем стрелять интенсивнее, чем из крепости, и сможем подавить большинство точек, господин ээ барон Дегтярёв.

– Большинство – это не все.

Я не знал, почему так злился, если бы это произошло ещё год назад, я, наверное, даже не задумываясь, выполнил приказ. Сейчас же мне что-то мешало, возможно, понимание того, что я иду на верную смерть, а возможно – любовь к Женевьеве, ведь если я погибну, то на этом всё закончится у неё, и у меня. А мне бы этого не хотелось, гм. Все эти мысли явно читались на моём лице, не умел я их ещё скрывать, молод слишком.

– Что вы предлагаете? – понял полковник мой страх и всё, с этим связанное.

– Предлагаю набросать множество всяких мелких вещей и мусора на площадку перед крепостью, из них я смогу делать защиту. Дальше я хочу отстреливаться из своей снайперской винтовки, пока в ней есть патроны. Стрелять стану по пулемётным гнёздам, что установлены в открытых бойницах, тогда ещё возможен шанс уцелеть, хоть и слабый.

– Разумно, то есть вы не отказываетесь?

– Нет, но вы должны помочь мне всем миром, – обречённо ответил я.

– Какой мусор нужен?

– Любой, самый мелкий, такой, чтобы я мог легко поднять его в воздух и сотворить из него щит.

– Это сделаем, вы можете идти отстреливать врагов. Мы верим в ваше мастерство, барон...

Прозвучало как-то это несколько двусмысленно для меня, как будто я оказался несмышлёным подростком, которому уступили ради того, чтобы он выполнил основную задачу. Мол, ладно пойдём на уступки и всё такое, ты только всё сделай, как нам надо. Возможно, я сам так себя повёл, и поэтому обижаться уже и поздно, и глупо.

Я было хотел что-то ответить, и даже на секунду завис, подбирая подходящий ответ, но понял, что ничего говорить не надо, меня всё равно пошлют в бой. У начальства просто нет другого выхода, поэтому заставят всё равно, а если и не заставят, то обдадут таким презрением, а в последующем укажут на мой поступок, после чего и жизнь окажется не мила. А как на меня посмотрит Женевьева, узнав о моей трусости?

Последняя мысль оказалась самой важной, я сглотнул и ответил.

– Пожалуйста, нужно как можно больше мелкого мусора, а я пойду отстреливать патроны по целям, вдруг повезёт, и мы с Веминим выживем.

Полковник понял меня и, ободряюще улыбнувшись, отвернулся к офицерам, а я пошёл к окну с единственной целью: всем назло выжить и доказать. Что конкретно доказать, я не знал, просто доказать, и всё. Наверное, что я сильнее, храбрее, умнее.

Гормоны буквально бурлили в моей крови, насыщая тело энергией и куражом. В голову ударило, как будто я хлебнул хмельной напиток богов и теперь оказался готов к подвигам, как греческий Геракл. Всё, что я мог, умел и хотел, трансформировалось под влиянием моих эмоций в квинтэссенцию решительности и отваги. Всё, что я умею, я сделаю, выложусь полностью, но докажу.

Заняв опять свою позицию у окна, я стал высматривать подходящие цели, в первую очередь, пулемётчиков. Я долго целился, потом плавно нажал на спуск, винтовка вздрогнула от выстрела, передёрнув затвор, я загнал очередной патрон в патронник и стал вновь целиться. Не всегда я знал, попал или нет, но, не давая расслабиться противнику, отгонял его от бойниц. Двадцать пять патронов – это очень мало, но двадцать пять патронов снайперской винтовки достаточно для того, чтобы совершить невозможное и отогнать противника от бойниц. Да, ненадолго, но отогнать, а надолго мне и не нужно.

Пока я стрелял, все кто мог, дробили и швыряли на мостовую перед крепостью камешки и всякий мусор. Двадцать пять патронов – это двадцать пять минут или около того по времени, винтовка клацнула последней гильзой, и я со вздохом оставил её. Что же, я сделал всё, что мог, теперь предстоит сделать невозможное.

– Держи, командир, – сунул я винтовку барону Первых, – нам с химиком пора идти.

Я посмотрел на Вемина, что сидел на стуле и с совершенно безучастным видом листал найденную здесь книжку. Не знаю, что он за человек, но я бы так не смог, зная, что нас ожидает, а он спокойно сидел и листал книженцию, какую-то военную брошюру. Удивительное хладнокровие!

– Нам пора! – сказал я ему и, распаковав один энергетический батончик, мигом его сжевал, то же самое сделал и с целым флаконом чистого концентрата эфира, выпив его зараз, и сразу же почувствовав в себе прилив сил. Уровень ощущения дара у меня буквально зашкалил, дальше тянуть нельзя, и я шагнул в сторону выхода.

– Я готов! – отложил в сторону книгу Вемина и, на ходу заглатывая эфирный концентрат, пошёл вслед за мной.

Из оружия у нас с собой имелись только револьверы, да уже пред самым выходом по приказу своего командира мне вручил в руки какой-то солдат железную пластину бронированного и облегчённого щита. Неведомую заготовку неизвестного мастера с даром, наподобие того, что имелся у Женевьевы. Да, он пригодится, да ещё как пригодится.

Осталось выполнить свою миссию и выжить при этом. Вемина стоял с решительным и в тоже время безучастным видом, и я в очередной раз позавидовал его хладнокровию. Громко вздохнув, я поднял щит и, толкнув дверь, вышел наружу.

Глава 5. Атака крепости

За спиной хлопнула дверь, мы сделали несколько шагов и остановились на краткое мгновение, чтобы осмотреться. Вернее, остановился Вемин, а я всего лишь выполнил свою задачу прикрывать его. Не знаю, правильно ли он сделал, что остановился, ведь у нас каждая секунда на счету.

Какое-то мгновение Вемин размышлял, где ему удобнее встать, наконец, он решился и направился вправо и вперёд, я за ним. Как только он сделал шаг, тишину разрубил первый хлёткий выстрел, пуля пролетела немного выше нас, стрелок разнервничался, не ожидая от нас такой наглости, да и вообще, то, что мы вышли только вдвоём, настораживало противника. Как понять, кто мы такие и зачем это предприняли?

Может, мы вышли на переговоры или ещё зачем-то. Два револьвера у нас в руках серьёзным оружием не являлись, значит, мы неизвестно кто. А с другой стороны, это могло оказаться страшно, ведь анархисты уже почувствовали на себе удары людей с даром, а мы и есть дароносцы. Бойтесь!

Эти мысли промелькнули за мгновение, я резко поднял защиту, схватив не все ещё подобранные вблизи камешки и прочий мусор, и создал грязевой щит. Сквозь него даже стало плохо видно, но Вемину хватило обзора, он успел сделать ещё два шага, когда на нас обрушился град пуль. Сухо и гулко затрещал пулемёт, часто захлопали винтовочные выстрелы, в ответ раздалась ответная стрельба с нашей стороны.

Звонко застрекотали ручные и басовито станковые пулемёты, два раза бахнула пушка небольшого калибра, остальное закрыл шум от винтовочных выстрелов.

Вемин продолжал идти под градом пуль, что впивались в выставленный мною щит, и то вязли в нём, то рикошетировали, если попадали в крупные камни. Долго мне щит не удержать, но Вемин продолжал идти дальше к крепости, словно не понимая, что я не смогу нас прикрывать уже через пару минут. Наконец, он счёл, что пришёл на нужную точку и, сделав ещё один шаг, остановился, вскинул руки и нанёс удар, вложив в него все силы.

В его руках сформировался плазменный шар и, отделившись от ладоней, быстро полетел вперёд, с каждым мгновением увеличиваясь в размерах и словно набухая от наполнявшей его энергии.

Поняв, что мы своё дело сделали, вектор огня обороняющихся переместился на плазму, но тщетно, пули не причиняли ей никакого вреда, и она спокойно плыла дальше, направляясь прямо к воротам. Лишь только на её огненной поверхности вспыхивали маленькие протуберанцы, поглощая в себя пули. Поняв, что это бесполезно, кто-то внутри крепости отдал новый приказ, и вражеский огонь вновь перешёл на нас.

Пули так и защёлкали о мой щит, грозя его пробить. Вемин опустил руки и, спокойно повернувшись ко мне, как ни в чём не бывало, пошёл назад, я только диву давался его поступкам и меланхоличности. Вокруг свистели пули, а он шёл, не торопясь, как по обычной дороге. Энергии дара мне ещё хватит на минуту, может, две, но успеем ли мы добежать обратно? Вемин вон бежать не собирался, а мне каково с таким?

Между тем плазма царственно доплыла до ворот, грянул мощнейший взрыв, и ворота разлетелись на куски, забрав с собой ещё часть стены. Вместо них в крепости зияла рваная дыра, скалившаяся наружу рваными осколками кирпичей, а пыль и дым от загоревшейся древесины перекрытий дополняли картину разрушения. Казалось, что это дымит поверженная голова дракона, чьё тело укрылось в крепости. Может, так дело и обстояло, если думать аллегориями, но мне резко стало не до того.

На несколько мгновений стрельба по нам замолкла, и мы смогли преодолеть половину расстояния до спасительного здания, ведь благодаря Вемину нам пришлось отойти от него довольно далеко.

– Вемин, бежим, бежим! – подталкивал я его криком, торопясь укрыться в здании.

Под шквалом пуль, что, несмотря на взрыв, не уменьшались, мой щит стремительно терял силу, ещё чуть-чуть, и всё. И тут неожиданно басовито прогудел невесть как сохранившийся пулемёт из крепости, сыпанув нам вслед длинной очередью.

Я словно получил толчок в спину, чуть не упал, щит выдержал, с него посыпались камешки, а Вемин лишь немного ускорил шаг.

– Бегом, твою мать! – сорвался я на грубость.

Вемин удивлённо оглянулся, но увидев моё перекошенное лицо и сжатый до боли револьвер в руке, не стал рисковать и ускорился, перейдя с быстрого шага на бег. Оставались буквально считанные метры до спасительного здания, когда по нам ударили с помощью боевого дара.

Наверное, нанесли сдвоенный удар воздушного и огненного дара, потому как в щит ударила огненная волна, усиленная потоком кислорода, и щит буквально сгорел под огненным шквалом. На нас дхнуло огнём и бросило вниз, и всё же, щит нас спас, если бы не он, то сгорели мы заживо. Я успел это понять, просто времени на раздумья не оказалось. Мысли все крутились только об одном, как выжить?

Мой китель дымился на спине, а у Вемина, что лежал впереди меня, вообще горел. Последним усилием я удержал щит, но шквал смёл почти всю его энергию, разом опустошив меня, и теперь мы вдвоём беспомощно лежали напротив дверей и окон первого этажа здания, не в силах до них добежать, рискуя в любую минуту получить пулю от анархистов.

Любой прицельный выстрел в нашу сторону и, привет, Вемин, привет, Дегтярёв! Благо мы не стояли или бежали, а лежали на мостовой, но это небольшая фора, совсем небольшая. Не знаю, что стукнуло мне в голову, может инстинкт или наитие, но я, задействовав остатки энергии, сотворил наших двойников, заставил их подняться и броситься в сторону.

Сил хватило ещё на небольшую пылевую завесу, укывшую нас. Пока двойники бежали, а по ним стреляли, я подскочил с земли, забросил себе на спину железный щит, что всё время держал в левой руке, выставив перед собой, и, сделав два шага, ухватил за ворот кителя Вемина. Он оказался легче меня или, может, мне так показалось? Одним рывком я поставил его на ноги и заставил бежать за собой. Мы успели буквально в последний момент заскочить в здание.

Наши двойники, расстрелянные два десятка раз, медленно стали растворяться, когда мы успели укрыться внутри казармы. И всё равно, мне в спину попало несколько пуль, отозвавшись звоном бронированной стали и тяжёлым ударом, и если Вемин вбежал в здание, то я практически в него влетел, потеряв опору под ногами за счёт энергии удара пойманных железным щитом пуль.

Грохнувшись на пол, я не успел толком подставить руки и разбил себе лицо. Хлынула кровь из носа, мигом залив всё и окрасив пол, на котором я лежал, цепочкой кровавых капель. Доктор Преображенский находился где-то рядом, потому как он почти сразу вбежал в ту комнату, куда нас отвели, и стал внимательно нас осматривать.

Вемин оказался цел и невредим, только запачкался немного, а у меня болела спина и разбитый нос. Мелочи, в общем-то.

– Вы молодцы! – сказал доктор, вытирая мне кровь с лица.

Мне сказать в ответ оказалось нечего, я выложилась полностью, как и Вемин. А Вемин сидел сейчас на стуле, безучастно смотря прямо перед собой и поглощая один за другим энергетические батончики, выданные ему доктором. Вскоре, вслед за батончиками пошли в ход и флаконы с чистым эфиром, хотя я подозреваю, что ему не эфир сейчас требовался, а скорее,

настойка це два аж пять о аж, но это моё мнение. Как только кровь перестала течь, доктор вновь переключился на Вемина, и внезапно перед нами возник барон Первых.

– Отличная работа! – прокомментировал он наш выход.

– Почему нет до сих пор штурма? – поднял я на него глаза.

– Потому что ждут воздушного налёта дирижаблей и их бомбардировки крепости, с последующей высадкой на крышу штурмового отряда. Одни мы не сможем быстро взять крепость. Ваш удар не пройдёт даром, поверь мне. Вемина мы отправим обратно, он своё дело сделал и больше не нужен. Доктору в боевых порядках самое место, потому что его обязанность лечить людей. А нам с тобой, молодой барон, только ещё предстоит поработать.

Я хмыкнул, оглядел свой истерзанный огнём китель, кинул взгляд на железный щит, что не бросил и принёс с собой. На щите виднелись выемки от ударов крупнокалиберных пуль.

– Мне кажется, что я успел поработать за всех.

– Почти, но твоя цель – защита всех нас. Вемин уже больше ни на что не способен, и он уйдёт, а мы с доктором остаёмся, значит, и ты с нами. Иначе, кто нас прикроет щитом?

– У меня энергия закончилась.

– А ты не торопись, восстанавливай её потихоньку, всё равно штурм чуть позже начнётся, да мы на штурме и не нужны, мы пойдём после него искать тех, кто спрятался по подвалам да по норам.

– Других решений нет? – поднял я на Первых глаза.

– Без тебя, к сожалению, нет. Бродить по подвалам – то ещё удовольствие, там выстрел из-за угла может оказаться и неожиданным, и подлым, являясь одновременно при этом абсолютно нормальным, а нам нужно главарей поймать, иначе упустим. Затаятся и уйдут.

Я понял, что спорить бесполезно, и за меня всё уже решили.

– Хорошо, буду восстанавливаться.

Доктор вскоре ушёл, уводя с собой раненых и Вемина, а я поднялся на один этаж вверх и, осторожно приблизившись к окну, стал смотреть из него на крепость. Шла обычная перестрелка, более частая с нашей стороны и редкая с противоположной. Развороченные в центре крепости главные ворота зияли немым укором своим разрушителям, но я не испытывал никаких отрицательных чувств в связи с этим.

Дело рук Вемина мне нравилось, удивляло, что он ушёл, а я остался, тем более, он усиленно восстанавливал свой дар за чем-то. Мне вообще показалось, что он врал о том, что больше не сможет, всё он сможет, если захочет.

Первых отдал мне обратно мою снайперскую винтовку, без патронов абсолютно бесполезную. Владей и таскай, что называется. Винтовка на данный момент стала скорее обузой, я закинул её себе за спину, чтобы не мешала, и постарался забыть на ближайшее время. Мне ещё отчитываться за неё и докладывать всё в письменном виде: как стреляла, насколько эффективно, возникали ли осечки, как часто и тому подобное, но это после, а сейчас мысли мои кружились вокруг другого.

В это время в небе послышался непонятный шелест, я не рискнул выглянуть в окно, а отправился смотреть на крышу, чтобы узнать, что это. Меня никто не задерживал и, поднявшись по лестнице к слуховому окну, я смог увидеть атаку дирижаблей.

По небу стройными рядами и параллельными курсами величаво плыли конусовидные баллоны с подвешенными к ним снизу железными гондолами. В атаку направили самые старые и давно устаревшие небесные тихоходы, да в таком деле и не требовалось задействовать новейшие разработки.

Тень от дирижаблей накрыла нас полностью, а они, на ходу перестраиваясь для атаки, начали, зависая над крепостью, сбрасывать на неё потоки огня и небольшие бомбы, в большинстве своём начиненные не динамитом, а неизвестными мне смесями, вызывающими дикий дым и жидкий огонь.

Вскоре вся крыша крепости пылала адским огнём, который раздувал порывистый, належавший со стороны моря ветер. Чёрный, клубящийся кверху дым начал застилать всё вокруг и частично скрывать крепость, давая шанс преступникам скрыться под его защитой. Это, видимо, поняли на дирижаблях, и имели на этот случай готовое решение.

К крепости подлетел один из них, что-то сбросил вниз, оно вспыхнуло и взорвалось фейерверком серебристых брызг, чёрный дым резко побелел и стал быстро угасать, через несколько минут практически исчезнув, остался только обычный огонь, что продолжал гореть, постепенно утихая.

Дирижабли некоторое время висели над крепостью, ожидая ответных действий, но анархисты если и смогли что-то им противопоставить, то издалека мы этого не заметили. Повисев в воздухе, дирижабли один за другим заработали двигателями и устремились вперёд, пройдя над крепостью и улетев куда-то в сторону открытого моря. Прошло ещё несколько минут, и небо над нами окончательно очистилось.

Как только это произошло, правительственные войска, сосредоточенные в зданиях вокруг крепости, ринулись в атаку. В этом бою мы действительно не участвовали и, как сказал Первых, готовились пойти следом, вторым эшелоном.

Усилив огонь со всех сторон, гвардейцы с ходу преодолели площадь перед крепостью, взяли ворота и проникли внутрь практически без потерь. Солдаты заскочили в осажденное сооружение, откуда послышались звуки ожесточённой перестрелки. Мы стояли на первом этаже и смотрели в окна, внимательно наблюдая за тем, как захватывают крепость. Барон Первых внимательно прислушивался к звукам боя и ждал какую-то команду.

Доктор вновь занялся лечением раненых, которые стали поступать через пару минут, ему оказалось не до нас, и защищать его мне не требовалось. Из всей нашей команды оставались мы вдвоём, другие штурмовые группы оказались больше нашей, кто-то из них сейчас вёл бой в крепости.

– Мне, пожалуй, карабин стоит взять, винтовка бесполезна, – сказал я Первых.

– Не стоит, только мешаться станет. Лучше возьми трофейный маузер, вон захваченного оружия целая куча в ящике в соседней комнате лежит.

Пожав плечами, я направился к ящику и с разрешения охраняющего её унтер-офицера выбрал себе подходящий маузер, вернее, я взял люгер, он покорооче оказался, хоть и такой же тяжёлый, как маузер. Теперь я вновь вооружён до зубов.

– Я ещё гранаты взял, – сказал я Первых.

– Гранаты? Это лишнее.

– Пригодятся, – не согласился я, ощущая себя ходячим арсеналом.

– Как хочешь.

Первых и сам имел пару револьверов: один он сжимал в руке, а другой лежал в кобуре на поясе. Этим он и ограничился, а у меня теперь тоже оказалось два пистолета: обычный револьвер и люгер. Я напряжённо вглядывался в крепость, ожидая команды, а Первых спокойно сидел, погруженный в свои мысли. Прошло минут двадцать, звуки боя окончательно поглотила в себе крепость, над которой стелился едва видимый дым, команда по-прежнему не поступала.

Внезапно к Первых подошёл присланный за нами унтер-офицер и сказал.

– Пожалуйста к полковнику, сударь.

– Идём! – бросил мне барон, и мы двинулись следом за унтером.

Руководитель штурма оказался не робкого десятка и уже находился внутри крепости, правда, в самых первых комнатах, устроив в одной из них что-то вроде временного штаба. Раньше здесь располагалась какая-то канцелярия, судя по обилию разбросанных везде и всюду бумаг и простреленных насквозь деревянных шкафов.

– Пришли?! – констатировал полковник, как только мы вошли в комнату.

– Так точно, ваше превосходительство, – отозвался Первых.

– Это хорошо. Вижу, вас двое всего осталось?

– Да, ещё доктор с нами, но он нужнее раненым, чем нам, а химика с даром электричества я отправил в Павлоград. Его дар иссяк, да и сам он слишком много переживал, такого оставить дальше в бою, значит обречь на гибель, как его самого, так и окружающих, из-за него же самого.

– Вы командир, это ваше решение, но я с ним согласен, тем более, сейчас идёт зачистка и поиск укрывшихся в цитадели бандитов, часть из которых закрылась на верхних этажах, и их выкурят оттуда и без вашей помощи, а вот наиболее опасные скрылись в подземельях. Они здесь хоть и не такие обширные, и все входы-выходы мы знаем, но всё равно неизвестно, что там ожидает. Могли и новый отнорок сделать, чтобы спастись. Надо найти их, среди них есть и главари, они-то нам и нужны, справитесь?

Первых посмотрел на меня, я на него. Я уже устал от крови и грязи, весь пыл из меня вышел, и хотелось только одного, чтобы всё это поскорее закончилось.

– Вдвоём по подвалам? Я не профессиональный солдат и не пластун из казаков, какой от меня толк в перестрелке по подвалам? – спросил я.

– Толк будет, господин барон. Я видел, как вы прикрыли щитом своего малохольного, но ужасно боевого товарища. С таким боевым даром и так вяло себя вести... но природе не прикажешь. Так вот, я видел, как вы держали щит под градом пуль и выдержали удар носителя дара, схожего с вашим товарищем. Меня впечатлило, защитный дар ещё большая редкость, чем настоящий боевой дар. Ваша помощь необходима, юноша. Барон Первых – тёртый калач и сможет найти и достать хоть кого и хоть откуда. Сеть подвалов цитадели всё же весьма обширна и весьма запутана. Если туда зайдут неподготовленные люди, то многие погибнут, так и не достигнув поставленной цели. Поэтому я прошу вас, барон Дегтярёв, помочь нам.

– Я понял, ваше превосходительство, я готов.

– Спасибо. Вы пойдёте не одни, с вами займутся поиском ещё десять отборных солдат. Их тоже нужно прикрывать, по мере возможности, конечно, и они смогут сделать то, что не можете вы. Лучшие специалисты по стрельбе и рукопашному бою. Ваша задача – найти главарей, господин барон Первых. Барону Дегтярёву – прикрыть щитом от пуль из-за угла, а задача солдат – схватить и доставить в тюрьму тех, кого вы найдёте. Прапорщик Евстигнеев, прошу вас привести командира отряда.

Прапорщик, молодой симпатичный юноша лет двадцати трёх, тут же сорвался с места и отправился искать командира отряда. Отсутствовал он от силы минуты три, и явился в сопровождении поручика небольшого роста, коренастого, со слегка раскосыми глазами, больше похожего на сына степей, чем на горожанина.

– Поручик Улагай прибыл по вашему приказу, Ваше высокопревосходительство.

– Отлично. Господин поручик, вы входите в непосредственное подчинение капитану Первых, он на данный момент ваш начальник и командир. Барон Дегтярёв осуществляет прикрытие первых идущих на поиск своим щитом, более трёх человек зараз он защитить не сможет, и то, если они станут идти все вместе. Дар у него редкий, но ограниченный, поэтому имейте это в виду, дабы напрасно не надеяться на него.

– Слушаюсь, Ваше высокопревосходительство! Когда выступаем?

– Да вот сейчас и можете идти, чего тянуть. Люди ждут, а враги стараются сбежать. Вы главное, поручик, силы не распляйте и осторожнее будьте, люди у вас подобраны самые лучшие, потеря каждого бойца больно отзовется у меня в сердце, и скажется на вашей карьере.

– Слушаюсь! Приложу все силы к сбережению!

– Выполняйте, и с Богом!

Улагай размашисто перекрестился и повернулся к Первых за указаниями.

– Ведите, поручик, я крепость не знаю, да и стреляю не то, чтобы хорошо. За вами право первого прохода, а затем пойдёт Дегтярёв. А я после путь буду указывать, когда искать уже станем.

– Есть! – и поручик, козырнув, отправился на выход, а мы вслед за ним.

Выйдя, мы прошли коридор, попали в другую комнату, где и узрели всю команду подготовленных к особой миссии гвардейцев. На нас внимательно смотрели девять человек, особенно рассматривали меня. Оно и понятно, слишком молод я, да ещё и шрам этот навязчивый на пол лица.

– Приказывайте, господин капитан, – сказал поручик и перевёл взгляд на меня, – видел вас в окно. Ещё чуть-чуть, и вас бы снесло ответным ударом, а вы успели увидеть и понять, и дружка своего спасти.

– Он мне не дружок, а товарищ по группе. Меня назначили его прикрывать, что я и выполнял.

– Мы видели тебя в деле – обузой не будешь, – резюмировал поручик, глядя на мои погоны старшего унтер-офицера.

– Не буду, – подтвердил я, и не стал дальше развивать эту тему, как и переход на ты, не время сейчас. Наш большой отряд разбился на тройки, и мы стали спускаться на нижние этажи, оканчивающиеся подвалами.

Глава 6. Катакомбы

Густав Седерблом и Казимир Блазовский, сами того не желая, оказались в числе защитников крепости, таков оказался приказ, полученный ими из студенческой ложи. Правда, теперь о самой учёбе в академии можно забыть, если они туда явятся, то их сразу же арестуют, но ничего, главное – это продержаться в крепости до вечера и уйти вместе со всеми через подземелья.

У них есть дар, поэтому их не бросят на растерзание правительственным войскам, такие люди всегда нужны. Крещение огнём они прошли и могут рассчитывать на что-то большее в той судьбе, которую выбрали сами. Сначала ими владела эйфория вседозволенности, но после неудачи в академии они были вынуждены бежать в крепость, где и собирали все отряды, участвующие в мятеже.

Блазовский хотел вообще уехать из столицы, но Густав, который являлся их старшим, приказал идти в крепость. Не убедил, а приказал, время уговоров и убеждений прошло, что неприятно поразило Блазовского. И вот теперь они сидели в крепости, наблюдая в бойницы за тем, что происходило в округе, изредка постреливая в солдат правительственных войск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.